

International Journal of Anti-terrorism Studies

Has been issued since 2016.
E-ISSN 2454-0838
2019. 4(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Katorin Yuri – Saint-Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics, Saint-Petersburg, Russian Federation (Editor-in-Chief)

Achkasov Nikolai – Military Telecommunication Academy named after the Soviet Union Marshal S.M. Budienny, Saint-Petersburg, Russian Federation

Pashchenko Irina – Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Samoilenko Yevhen – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Sokolov Sergei – Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint-Petersburg, Russian Federation

Valleau Annick – University of Geneva, Geneva, Switzerland

Journal is indexed by: **CrossRef** (UK), **OAJI** (USA)

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovakia, 831 04
Release date 16.09.19.
Format 21 × 29,7/4.

Website: <http://ejournal50.com/>
E-mail: katorin@mail.ru
Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o. Order №4.

© International Journal of Anti-terrorism Studies, 2019

International Journal of Anti-terrorism Studies

2019

Is. 1

C O N T E N T S

Articles and Statements

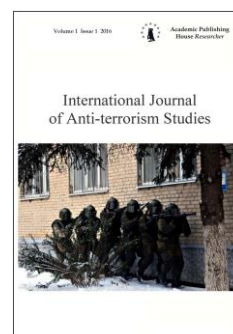
The History of Terrorism: Russian Revolutionary Terrorism (second half of XIX – beginning of XX centuries)	
A.V. Mankov	3
Bioterrorism and Chemical Attacks	
A.M. Marifli	16
Terrorist Attacks in the Russian Federation	
A. Ksawery Olech	25

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
International Journal of Anti-terrorism Studies
Has been issued since 2016.
E-ISSN: 2454-0838
2019, 4(1): 3-15

DOI: 10.13187/ijats.2019.1.3
www.ejournal50.com

Articles

The History of Terrorism: Russian Revolutionary Terrorism (second half of XIX – beginning of XX centuries)

Andrey V. Mankov ^{a, *}

^a Military Academy of Communications named after S.M. Budenny, Russian Federation

Abstract

The article analyzes historical Russian terrorism. The author explores the main sources of this phenomenon, some features of the genesis of revolutionary terrorism in the second half of the XIX century and the evolution of the organizational forms of terrorist activity in the early 20th century. The main attention is paid to the historical aspects of the largest Russian populist revolutionary-terrorist organizations (Ishutinians, «People's Massacre», «Land and Freedom», «Narodnaya Volya») and terrorist tactics of the Socialist-Revolutionary Party (SR). The most significant facts of their terrorist practices are given. It is noted that in its history, Russian terrorism has gone through several stages: stages of Narodniks, Narodnaya Volya stage, Socialist-Revolutionaries etc.

Keywords: terrorism, stages of terrorism, revolutionary terrorist organizations, terrorist act, populists, Ishutinians, «The People's massacre», «Land and Freedom», «Narodnaya Volya», the Socialist Revolutionary Party, acts of internal terrorism, military officers.

1. Введение

На стыке XX–XXI вв. для очень многих наших соотечественников терроризм трансформировался из сугубо абстрактного понятия в абсолютно реальное социально-политическое явление, с которым приходится предельно серьезно считаться не только современному российскому государству, но и всему российскому обществу (Витюк, 1993; Тихонов, 2009). В обозримом будущем, видимо, по-прежнему, будет высокой активность международного терроризма и его многочисленных экстремистских организаций против Российской Федерации и ее военно-политических союзников и партнеров (Кременчуцкий и др., 2005: 10-27). Актуальность нашего очередного обращения к теме терроризма, в тоже время, продиктована текущими задачами профессиональной подготовки офицеров российских Вооруженных Сил и Росгвардии, осуществляемой в условиях идущего на международной арене мощнейшего информационно-психологического противостояния между рядом крупных стран (США, Россия, Великобритания, Украина и др.). В этой связи, на наш взгляд, несомненно, очень интересен пример соседней Украины, где несколько лет проводилась «антитеррористическая операция» (АТО) (официально закончилась в апреле 2018 г.), но в которой невозможно было найти «настоящих террористов» и «конкретные

* Corresponding author
E-mail addresses: 63donetsk@mail.ru (A.V. Mankov)

теракты». В тоже время сегодня нельзя отрицать тот факт, что теракты несут определенную угрозу военной безопасности России, а военнослужащие РФ борются с террористами, например, на Северном Кавказе и в Сирии. Очевидно, что, в нынешней крайне сложной военно-политической обстановке большинству российских военнослужащих необходимы теоретические знания о природе, сущности и истории терроризма. Исходя из перечисленных факторов, по нашему мнению, в целях дальнейшего противодействия этому виду насилия постоянно растет необходимость дальнейшего проведения военно-научных и общенаучных, в частности, исторических исследований терроризма и его перманентного анализа в системе высшего военного образования, о чем мы уже неоднократно отмечали в последние годы в своих многочисленных опубликованных работах (Маньков, Минеева, 2017; Маньков, 2017; Маньков, 2016; Маньков, 2008).

2. Материалы и методы

Методологическую основу данной статьи составляют философские положения о диалектическом понимании истории. Автор следует последовательному анализу исторических событий, учитывая их взаимосвязь и взаимообусловленность. Основными методами исследования необходимо считать методы исторического анализа, статистики и сравнительный метод. Достижение поставленной перед исследователем цели осуществлялось путем использования различных источников: монографий, журнальных статей и справочной литературы по выбранной тематике.

3. Обсуждение

Терроризм, несомненно, является удивительно сложным и многоплановым социальным феноменом, познание которого вызывает большие концептуальные трудности и методологические проблемы. Однако в настоящем нам трудно не согласиться с теми специалистами, кто считает, что как любое крупное и значимое общественное явление он имеет не только свою историю, но даже этику и психологию (Будницкий, 2000). Еще в последние годы существования СССР выдающийся отечественный философ и социолог, специалист по «левому терроризму» В.В. Витюк подчеркнул, что терроризм, с которым столкнулось тогда наше государство и общество, имеет своих идеологических предшественников. Это были крайние радикалы, как из России, так и Европы и даже США (Витюк, 1993: 43). После распада Советского государства ряд авторов и экспертов уверены, что такое социально-политическое явление как терроризм совсем не молодое (Жаринов, 1999: 3; Вахрушев, 2011). Некоторые авторитетные российские ученые, например, считают, что в Российской империи еще давно и незаслуженно забытые обществом дворянские революционеры-декабристы планировали убийство царя в момент своего вооруженного восстания (Федотова, 2003: 5). В связи с этим, пожалуй, можно вспомнить удивительно интересное мнение белорусского историка В.В. Сергеевской, которая полагает, что к этому факту можно отнести «истоки терроризма», так как именно среди декабристов «впервые ... зародилась идея цареубийства как средства сделать общество более справедливым» (Сергеевская, 2009: 311). Соглашаясь с названными нами специалистами, а также другими уважаемыми авторами, сегодня нам представляется справедливым суждение о том, что мировая история терроризма насчитывает не одно столетие (Маньков, 2017). Возможно, что в этом году можно говорить о столетии терроризма в его современном осмыслении. Поводом для этого, по нашему мнению, может быть один из самых известных терактов прошлого, совершенный в германском Мангейме в мае 1819 г. против немецкого писателя А. фон Коцебу националистом К. Зандом (Нехамкин, 2015: 16).

В наши дни террорологическая проблематика в российском научном сообществе продолжает переживать стадию активного становления и развития, при этом постоянно растет количество высококачественных проведенных исследований. Особый интерес, на наш взгляд, представляют фундаментальные труды крупных отечественных историков К.В. Гусева, О.В. Будницкого и Р.А. Городницкого (Гусев, 1975; Гусев, 1992; Будницкий, 2000; Городницкий, 1998). Например, исследователь революционного движения и, в первую очередь, партии эсеров, К.В. Гусев уделил внимание организации «Народной воли». Он писал о «терроре народовольцев», как «источке тактики индивидуального террора, получившей широкое развитие в партии социалистов-революционеров» (Гусев, 1992: 7).

Много полезной информации и оригинальных рассуждений содержит работа В.А. Вахрушева (Вахрушев, 2011). Так, характеризуя дооктябрьский период российского терроризма, В.А. Вахрушев назвал его «новой эпохой терроризма» (Вахрушев, 2011: 192). Более того, тематика терроризма периодически пополняется исследованиями авторов из разных регионов нашей страны, которые анализируют этот предмет с учетом местных особенностей террористической тактики и практики в первом десятилетии XX в. Среди большого множества этих специалистов, по нашему мнению, следует выделить воронежского историка О.Н. Квасова (Квасов, 2012; Квасов, 2010; Квасов, 2005), а также средневожских ученых В.Н. Кузнецова, О.А. Сухову, Е.К. Минееву, А.Б. Полякова и их работы, посвященные революционному терроризму начала XX в. в исследуемых ими районах России (Кузнецов, 2010; Кузнецов, 2007; Сухова, 2012; Mankov et al., 2016; Маньков, Минеева, 2017; Поляков, 2011).

Указанная тема достаточно часто исследуется и в зарубежной историографии, в частности, в США. К слову, американский историк У. Лакер отнес начало генезиса революционно-террористического направления в России к 1869 г. (Будницкий, 2000: 22). Однако единую концепцию российского революционного терроризма, по мнению специалистов, разработал другой американский ученый Н. Неймарк (Будницкий, 2000: 23). На наш взгляд, любая разработанная учеными классификация, конечно, довольно условна. С другой стороны, при имеющихся спорных вопросах, отдельные положения работы Неймарка весьма полезны при изучении истории российского терроризма и сегодня (Будницкий, 2000: 23). Так, с 1861 по 1907 гг. автор выделил 3 стадии террористического процесса в Российской империи (терроризм периода «Великих реформ» и радикализации студенчества, терроризм периода конфронтации между правительством и террористами-народниками, терроризм периода открытой схватки между террористами и полицией и войсками), с чем можно, в наши дни, как согласиться, так и, несомненно, поспорить (Будницкий, 2000: 23).

В числе самых интересных, но и своеобразных работ по теме терроризма можно выделить работу американско-израильского историка А. Гейфман «Убий! Революционный террор в России. 1894–1917». В ней автор очень справедливо отмечает, что «террор практиковали все революционные партии» (Гейфман, 1997: 3).

С другой стороны, несмотря на проводимые многочисленные исследования, российский революционный терроризм, по нашему мнению, продолжает оставаться слабо изученным в историческом аспекте социальным явлением. Так, например, разнообразно трактуются генезис и становление этого явления. В то же время история терроризма дает нам важные уроки, о которых мы часто забываем, в частности, о том, что история в случае с терроризмом чаще повторяется как трагедия, а не как фарс (Будницкий, 2000: 3). Повышенный интерес, на наш взгляд, как для исследователя социально-политического насилия, так и практика противодействия терроризму представляет вопрос – какие этапы в своем развитии прошел российский терроризм? Эти обстоятельства определяют цель представленной работы. В статье исследуются исторические аспекты генезиса, становления и развития российского революционного терроризма.

4. Результаты

Терроризм представляется нам в большинстве случаев групповым феноменом. Структура его как явления, в первую очередь, включает террористические организации, экстремистскую идеологию и собственно террористические действия, т.е. теракты. Основу любого коллективного действия составляют организации. Исходя из этого, наш анализ истории терроризма должен быть основан на поиске организационных структур насилия.

В своих рассуждениях об истории отечественного терроризма мы исходим из того, что собственно террористических организаций в России до последней четверти второй половины XIX в. не существовало. Во второй половине XIX в. терроризм в рамках некоторых подпольных оппозиционных структур был представлен лишь обсуждением идеи царубийства. Однако оппозиционная часть российского населения постепенно все шире и шире брала идею террора на вооружение. Особое место, при этом, в идеологии революционеров заняла идея царубийства. К слову, покушение на царя полагалось оппозиционерами, как правило, как сигнал к началу противоправительственных действий

для широких слоев населения. С другой стороны террор считался как средство борьбы за общественную справедливость. Так же можно утверждать, что российский революционный терроризм, активно развернувшийся в самом начале XX в., не является случайным событием в отечественной истории (Седов, 1966; Щербаков, 2013). Он имел свои прочные социальные корни и исторические истоки.

Автор считает, что истоки российского революционного терроризма следует отнести к тайному оппозиционному обществу ишутинцев, возникшему в Москве в 1863 г. из кружка, примыкавшего к «Земле и воле» Н.Г. Чернышевского. Ишутинцы (организатор и руководитель – уроженец г. Сердобска Пензенской губернии московский студент Н.А. Ишутин) были одной из первых революционных подпольных групп. Данная группа действовала на протяжении более 2,5 лет (1863–1866 гг.). Небольшой московский революционный кружок вышел за пределы города и превратился в структуру национального масштаба. Ее филиал появился позже и в столице. В течение этих лет ишутинцы постоянно развивались, увеличивались размеры группы, эволюционизировала их тактика. Отношение ишутинцев к террору, в частности к цареубийству, не было однозначным – одновременно они и хотели и боялись этого, не понимая, как повидут себя царская власть, народ и интеллигенция. Однако ишутинцы, как мы считаем, первыми поставили на повестку дня оппозиционеров вопрос об использовании террористических методов в отечественном революционном движении, а ее участники первыми совершили теракт.

К 1866 г. в составе общества образовалась особо законспирированная группа «Ад», которая должна была по замыслу ее создателей совершать особые действия, в том числе, и теракты. 4 апреля 1866 г. член общества мелкопоместный саратовский дворянин бывший студент Казанского и Московского университетов и двоюродный брат Ишутина Д.В. Каракозов неудачно стрелял в центре Петербурга в императора Александра II (Жаринов, 1999: 59). Это событие явилось первым терактом в нашей стране. После этой попытки организация была разгромлена, а ее члены репрессированы властями. Первый русский революционер-террорист Каракозов был оперативно задержан на месте теракта и вскоре казнен по приговору суда.

Одним из примеров дальнейшей радикализации молодежи и, в частности, столичного студенчества, рассуждавшего о терроризме и цареубийстве, явилась тайная организация «Сморгонская академия». Из ее рядов вышли многие участники студенческого движения 1869 г. и организации, созданной в том же году С.Г. Нечаевым (Козьмин, 1929: 163).

Уроженец г. Иваново учитель Нечаев стал ведущей фигурой начального периода истории российского революционного терроризма (Будницкий, 2000: 38). Помимо того, что в 1869 г. Нечаев организовал в Москве тайное общество, которое называлось «Народная расправа», он собрал вместе остатки разбитых ишутинцев, разделил их на «пятёрки» и построил в иерархическом порядке, как в тайных обществах Западной Европы. Для вербовки своих членов Нечаев применял обман и мистификацию. Он первым сформулировал идею строгой конспирации. Так, нижестоящая «пятёрка» подчинялась вышестоящей, зная только одного её члена, который ею руководил. Нечаев требовал железной дисциплины, абсолютного подчинения рядовых членов «организатору» и крайней централизации кружков. Создаваемое им тайное общество, должно было представлять собой некую революционную сеть. Нечаев разработал все документы будущей организации, находясь в Швейцарии, а в России заявил, что он агент женева Револуционного Комитета. Цель этого общества – разрушение самодержавного строя. Тактика организации подразумевала, в том числе, и террор.

Нечаев считал, что Россия стоит на пороге революции (датой ее начала он видел весну 1870 г.), в которой его организация будет играть основную роль. Его «Катехизис революционера» – первая российская квазитеррористическая программа (1869 г.). Знаменитый русский философ Н.А. Бердяев писал, что Нечаев проповедывал «беспощадный террор» (Бердяев, 1990: 138). Он назвал Нечаева «предшественником большевизма» (Бердяев, 1990: 139).

«Народная расправа» совершила только один теракт – 21 ноября 1869 г. Лично Нечаев и несколько членов центральной «пятерки» зверски убили участника организации студента И. Иванова, обвиненного Нечаевым от имени таинственного Револуционного Комитета из

Женева в предательстве (Будницкий, 2000: 43). С другой стороны считать, что это действие было однозначно террористическим нам весьма сложно («дело Нечаева»). Интересно то, что «Нечаевщина» вызвала в глазах общества и противников царизма стойкую аллергию к насилию.

Новым периодом последующего становления российского терроризма стал терроризм оппозиционеров, который довольно условно можно назвать внутренним. Это было особое время развития этого явления в нашем государстве, связанное с ликвидацией участников народнических организаций, обвиненных в предательстве или провокаторстве. В течение ряда лет на юге империи (Одесса, Киев, Харьков, Ростов-на-Дону) было осуществлено порядка 14, так называемых, «акций возмездия». В числе первых из них оказалось изуверское посягательство на жизнь народника Н.Е. Гориновича, который к счастью, остался жив, но на всю жизнь стал инвалидом и скрывал под маской от людей свое лицо, обезображенное серной кислотой (Пелевин, 2014: 137). Этот акт был осуществлен 11 июня 1876 г. в Одессе небольшой группой народников из кружка «южных бунтарей» (Л. Дейч, В. Малинка и др.).

Однако прошло еще пару лет, пока терроризм превратился в атрибут российского революционного движения. Подобная трансформация, по нашему мнению, просходит только с 1878 г. В этот год революционная месть явилась главным мотивом действий не только малых народнических групп, но и нового состава организации «Земля и воля» в Петербурге и созданного уроженцем г. Таганрога В.А. Осинским Южного Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии. Комитет действовал в Киеве, а также в городах Малороссии и Новороссии. В его состав входили, в основном, экстремистски настроенные землевольцы (Седов, 1966: 75-77). Это был, на наш взгляд, уже народнический этап российского терроризма.

Одной из доминантных причин дальнейшего изменения тактики революционеров явились итоги «хождения в народ» разночинцев в 1870-е гг. Пропаганда этими многочисленными народниками своих взглядов в сельской местности ничего кроме разочарования им не принесла. Крестьяне оказались не готовы к восприятию даже умеренных оппозиционных идей. Кризис охватил теоретиков движения, но в арсенале народников было и свое «секретное оружие». Начало террористическому направлению в революционном движении, по мнению авторитетного советского историка М.Г. Седова, положили необоснованно и бессмысленно жестокие приговоры, вынесенные участникам «хождения» в царских судах (Седов, 1966: 67).

В этой связи, интересно суждение другого отечественного историка О.В. Будницкого о том, что главным событием в истории российского терроризма в эти годы, стал теракт, совершенный В.И. Засулич (Будницкий, 2000: 46). 24 января 1878 г. эта знатная дворянская девушка выстрелила в градоначальника Петербурга Ф.Ф. Трепова, который приказал совершить телесное наказание задержанного народника Емельянова. После покушения градоначальник оказался тяжело ранен, но Засулич была оправдана судом присяжных и «немедленно скрылась в Германии» (Жаринов, 1999: 57).

По нашему мнению, ключевыми событиями в истории явления стал в этот период ряд террористических действий (выстрел В. Засулич в Трепова, убийство в столице народником С. Кравчинским шефа жандармов Мезенцева и убийство боевиком Южного Исполнительного комитета Г. Попко жандармского офицера Гейкинга в Киеве) (Седов, 1966: 71-75). Вместе с тем, мы считаем, что на первый план также выходит и неудачный теракт, совершенный в центре Петербурга известным народником, уроженцем г. Луга Петербургской губернии А. Соловьевым против императора (2.04.1879 г.), а также его последствия для эволюции революционного насилия (Жаринов, 1999: 234-237). В результате теракта Александр II практически не пострадал. Однако это покушение на первого вельможу империи было, видимо, точкой бифуркации в развитии революционно-террористического процесса.

Так, летом 1879 г. в итоге ожидаемого раскола «Земли и воли» образовалась организация «Народная воля», которая в качестве крайней меры политической борьбы признавала возможным обратиться к террору. В рядах этой политической структуры находилось немало серьезных приверженцев террора, таких как А.Д. Михайлов, А.И. Желябов, С.Л. Перовская. В последующем народовольцы создали эффективную систему

конспирации и осуществления террористических операций, позволявшую совершать многочисленные теракты на территории всей европейской России против тщательно охраняемого императора. В сентябре 1879 г. революционный трибунал «Народной воли» приговорил Александра II к смерти. Начался народовольческий этап отечественного терроризма. За 2 неполных года «Народная воля» организовала и провела 8 покушений на жизнь царя-освободителя (Жаринов, 1999: 7). Император был убит народовольцами 1 марта 1881 г. в Петербурге (Вахрушев, 2011: 192).

Следующим этапом, на наш взгляд, явился терроризм начала XX в. Его начало было положено одиночным покушением уроженца г. Гомеля П.В. Карповича 14 февраля 1901 г. на министра просвещения Н.П. Боголепова (14.02.1901 г.) (Гусев, 1975: 60; Городницкий, 1998: 31). Царский министр и профессор римского права Боголепов ввёл в высших учебных заведениях «временные правила», что, по оценке Карповича и других радикальных оппозиционеров, было несправедливо. Эти правила позволяли министру отдавать в солдаты участников многочисленных студенческих выступлений конца XIX в. и начала прошлого века. Однако основными в этот период стали не насильственные действия террористов-одиночек, многих с неопределённой партийной принадлежностью и их одиночные теракты (П.В. Карпович, Н. Лаговский, Е.А. Алларт и др.), а появление новых крупных политических организаций, поддерживающих террор как метод политической борьбы против царизма. Так, несомненно, самым известным продолжением терроризма XIX в. нам представляется террористическая деятельность общероссийской партии социалистов-революционеров (ПСР) (Гусев, 1966: 8-9). Партия эсеров, как еще называли этих новых народников, была создана на рубеже XIX–XX вв. (о ее образовании объявили в январе 1902 г.) (Гусев, 1966: 6; Чернов, 2004: 194).

Терроризм стал специфической особенностью эсеровской тактики, унаследованной ими, в первую очередь, от народовольцев (Гусев, 1966: 9; Гусев, 1975: 52). При этом, конечно, нельзя отрицать и забывать богатый заграничный террористический опыт, о котором, естественно, знали российские оппозиционеры (Вахрушев, 2011: 192). В то же время, определяя цели своей террористической тактики, социалисты-революционеры заявили, что с помощью «цепи терактов» можно попытаться поднять народ на борьбу с самодержавием. Главной силой в этой борьбе должны были стать «неуловимые террористы», с которыми жандармерии и полиции будет очень сложно справиться (Гусев, 1966: 8).

Идейный руководитель эсеров, уроженец Саратовской губернии В.М. Чернов считал, что терроризм его партии был направлен против государственного насилия (Коновалова, Федорова, 2016: 121). В связи с этим отметим, что первым актом партийного террора стало покушение против представителя высшей государственной власти, а именно министра внутренних дел Д.С. Сипягина (Городницкий, 1998: 37). Это громкое на всю гигантскую империю убийство совершил 2 апреля 1902 г., член БО ПСР, бывший студент Киевского университета и тоже саратовец С.В. Балмашев (Гусев, 1975: 56).

Необходимо подчеркнуть, что террористические организации были частью партии эсеров. Наиболее известной террористической структурой партии была ее Боевая организация (БО), которая начала действовать осенью 1901 г. (Гусев, 1975: 56). Первую боевую группу эсеров начал создавать фармацевт Г.А. Гершуни, живший, в частности, в прибалтийском г. Шавли (в наши дни г. Шяуляй в Литве), а затем долгое время в Минске (Городницкий, 1998: 33-35).

К слову, в «Народной воле» одни и те же люди выступали в качестве, как идеологов и пропагандистов, так и террористов. Эсеры первыми привнесли в партийное структурирование принцип разделения труда, выделив из своего состава группу, единственной обязанностью которой являлась организация политических убийств. В то же время, вопреки широко распространённому мнению, что террористическая деятельность партии эсеров осуществлялась, прежде всего, этим террористическим формированием, основная масса терактов была совершена боевыми структурами региональных и местных организаций ПСР.

Терроризм в России активизировался накануне и, особенно, в ходе революции 1905–1907 гг. В 1902–1904 гг. партия эсеров развила субъекты терроризма и расширила объекты терроризирования. БО ПСР во главе с новым руководителем Е.Ф. Азефом совершила

4 теракта, в том числе убийство 15 июля 1904 г. Е.С. Созоновым министра внутренних дел В.К. Плеве (Гусев, 1975: 57; Городницкий, 1998: 96).

С началом революции 1905 г. партия эсеров, по данным известного историка К.В. Гусева, резко расширила свою террористическую деятельность (Гусев, 1975: 59-61). Одним из крупнейших организаторов террора в этот период помимо Е.Ф. Азефа, стал также Б.В. Савинков (Гусев, 1975: 83; Гусев, 1992: 20). В состав БО, по оценке Р.А. Городницкого, входило более 90 человек (Городницкий, 1998: 235).

В то же время, террористическая практика БО ПСР была лишь составной частью общей картины террористической тактики эсеров. БО ПСР за все время своего функционирования провела только 11 покушений, что очень мало с точки зрения общей статистики (5 % общего числа эсеровских терактов) (Жаринов, 1999: 130-133).

Кем же были проведены другие насильственные действия революционеров? После начала революции в осуществлении терактов, кроме БО ПСР стали принимать прямое участие и другие террористические подразделения (Гусев, 1975: 61). Тактика терроризма социалистов-революционеров породила множество различных террористических формирований. Так, в годы революции в терроре участвовали летучие боевые отряды, которые создавались при областных комитетах в крупных регионах России (Центр, Поволжье, Северо-Запад и др.). При большинстве губернских комитетов действовали боевые дружины. Подобные подразделения были и в некоторых уездных организациях партии. Всех их отличала разная степень партийного контроля, но руководство эсеров всегда стремилось к упорядочению их боевой деятельности и элементарному морально-нравственному поучению, что было очень важно и необходимо.

В эти годы терроризм вышел за границы Петербурга и Москвы и получил общеимперский уровень. Пик эсеровского терроризма пришелся на годы Первой русской революции (в центре страны – 1905 г., по регионам – летом-осенью 1906 г.). Всего с января 1905 г. по июнь 1907 г. эсеры осуществили 220 теракта (Будницкий, 2005: 28).

Отколовшиеся от ПСР, эсеры-максималисты во главе с М.И. Соколовым и В.В. Мазуриным создали не только свою обособленную партийную организацию в масштабе страны, но и свои террористические подразделения. Максималисты, как правило, рассматривали эти боевые группы, как структуры, непосредственно проводящие социальную революцию через посредство политических убийств и экспроприаций финансов. В революционные годы, по оценке все того же О.В. Будницкого, они совершили «самые кровавые и отвратительные теракты» (Гусев, 1975: 62; Будницкий, 2005: 28). Так, 12 августа 1906 г. в Петербурге тремя бомбами максималистами была взорвана дача российского премьер-министра П.А. Столыпина. При этом погибло около 30 человек и более 30 людей оказались ранены (Жаринов, 1999: 376). В 1906–1907 гг. максималистами было совершено около 50 терактов (Будницкий, 2005: 28).

Революционный терроризм не был чужд и другим политическим структурам Российской империи начала прошлого века. Так, например, собственные террористические формирования создали также социал-демократы (большевики) и многочисленные анархистские группы и союзы (Будницкий, 2005: 28; Жаринов, 1999: 7-8). Они также осуществляли разнообразные насильственные действия, как правило, против представителей царской власти.

Закончившаяся в первой половине 1907 г. революция не привела к прекращению террористических действий. Так, в российских регионах, в частности, в Поволжье мощно развилась одна из разновидностей террористической деятельности того времени – экспроприации эсеровскими боевыми дружинами казенных и личных денег на нужды революции (Кузнецов, 2010: 28). К слову, активно проводили экспроприации большевики. Среди них было немало известных и популярных потом членов партии. По стране продолжились отдельные партийные теракты. После 3 июня 1907 г. и до конца года эсеры совершили еще 13 терактов (Будницкий, 2005: 28).

С конца 1907 г. вместе с разгромом региональных и местных партийных структур революционный терроризм эсеров постепенно прекращается. Насилие становится редким и малозначительным, тактика оппозиционеров мельчает. В 1908 г. В.М. Чернов, обобщая сведения с мест в ходе общепартийной конференции в Лондоне, пришел к выводу о том, что

партийная организация «растаяла, улетучилась», а самоотстранение и эмиграция членов партии достигли «ужасающих размеров» (Панова, Толочко, 1996: 125).

В дальнейшем, как отметил К.В. Гусев, «террор умирал» (Гусев, 1975: 74). С 1908 г. происходит значительный спад террористического насилия партии эсеров, который продолжался несколько лет (1908–1911 гг.). Террористические организации либо оперативно уничтожались полицией и жандармами, либо превращались в неорганизованные ячейки и самостоятельно распадались, как, например, воссозданная в 1909 г. за границей Боевая организация ПСР во главе с ее третьим и последним руководителем Б.В. Савинковым. Сильнейший удар по эсерам и их террористической тактике нанесло разоблачение провокаторской деятельности Е.Ф. Азефа (Гусев, 1975: 72-73).

Мы считаем, что в эти годы постепенно оформляется период «постреволюционного терроризма», характеризующийся разложением террористических структур и деградацией этики терроризма, как одного из средств социально-политической борьбы. Одним из подтверждений этого стал теракт против Главы правительства П.А. Столыпина. Покушение совершил 1 сентября 1911 г. в Киеве Д.Г. Богров – человек очень путанной политической ориентации и неясной партийной принадлежности (Будницкий, 2000: 199). Его террористическое действие, как и некоторые другие в это время, уже носило очень сложный («особый») и неопределенный характер и имело мало общего с революционными целями декларированными оппозиционерами (Будницкий, 2000: 199). В апреле 1911 г. был распущен последний состав БО ПСР (Городницкий, 1998: 239). Эсеровский революционный террор в царской России закончился. Он будет возрожден уже в Советской России так же в оппозиционной форме, но с иными структурами, целями и задачами (Вахрушев, 2011; 192).

5. Заключение

Таким образом, на наш взгляд, история российского революционного терроризма начинается с московского кружка ищутинцев. Это была, по нашему мнению, очень серьезная организация, значение которой для исторической судьбы России нельзя недооценивать. В какой-то степени ими была создана первая в стране революционная сеть. В то же время, покушение Каракозова на царя 4. 04. 1866 г. нельзя полагать началом эпохи революционного терроризма в Российской империи. Учитывая характер организации, процесс подготовки теракта, личность исполнителя – это скорее акт «предреволюционного терроризма» (индивидуальная активность), чем рождение нового социального явления.

Первым русским революционным террористом, мы считаем, Нечаева. Однако созданную им «Народную расправу» трудно считать террористической структурой. Акт насилия, совершенный ее членами, 21. 11. 1869 г. имел, на наш взгляд, своего рода «сакральный» характер и не представлял угрозы царской власти. Это событие оказалось единственным реальным делом организации, деятельность Нечаева была тайной, а его «Катехизис революционера», как первая российская квазитеррористическая программа не был доступен широкому кругу оппозиционеров.

В крайней четверти XIX в. терроризм из одиночных акций радикалов трансформируется в идейно-организационное направление. Ему становились присущи своя экстремистская идеология политического насилия и организационные структуры разного уровня единства и управления. Начало этому процессу было положено в 1876 г. с покушений на своих предателей и полицейских провокаторов. В эти годы тактику терроризма продолжили новая «Земля и воля» (1878–1879 гг.) и некоторые другие народнические группы 1870-х гг.

С весны 1879 г. начинается переход оппозиционеров «Земли и воли» от анархистского аполитизма к признанию необходимости политической борьбы. Постепенно терроризм оформляется политическим по своему содержанию. При этом особое значение имел теракт, неудачно совершенный Соловьевым против императора и его последствия. Это был народнический этап российского терроризма (1878–1879 гг.). Именно в этот период можно говорить о рождении российского революционного терроризма как сложного социально-политического явления. В дальнейшем организация «Народная воля» устроила настоящую «охоту» на императора, создав народовольческий период терроризма (1879–1884 гг.) и убив 1. 03. 1881 г. Александра II.

В XX в. «террористическое наследие» российских народников и народовольцев, а также богатый заграничный террористический опыт в 1902–1911 гг. активно использовала партия социалистов-революционеров. Субъекты революционного терроризма эсеров были многочисленны и разнообразны. В ПСР действовали БО при ЦК партии, летучие боевые отряды при областных организациях и боевые дружины в губернских и уездных структурах. Это был уже революционный терроризм эсеров. Последним годом активного террора революционеров стал 1907 г. С 1905 г. по 1907 г. эсеры осуществили 233 теракта. В послереволюционные годы общеимперскую известность приобрел, пожалуй, лишь теракт против П.А. Столыпина в 1911 г.

В завершении отметим, что терроризм революционеров (оппозиционеров) в российском государстве постоянно эволюционировал, в первую очередь, вместе с партиями или организациями партийного типа, которые его проводили. По нашему мнению, можно выделить ряд периодов его длительного становления: предреволюционный терроризм (одиночные теракты), внутренний терроризм оппозиционеров (терроризм народников юга России), народнический терроризм (терроризм землевольцев), народовольческий терроризм (террор народовольцев), терроризм начала XX в. (эсеро-максималистский терроризм), постреволюционный терроризм (неорганизованный террор).

Опыт развития терроризма в нашей стране показывает, что это явление возникает там, где в обществе имеются, как правило, большие социально-экономические проблемы, нарушаются общественные представления о социальной справедливости, применяется неоправданное государственное-политическое и правовое насилие. В обозримом будущем мир без насилия, видимо, невозможен, и террористические угрозы для нашего государства, в первую очередь внешние, будут продолжать расти и дальше. Текущая жизнь подтверждает, что российский военнослужащий должен быть готов к борьбе, как против международного, так и внутреннего терроризма. В связи с этим, в первую очередь, российским офицерам требуются всесторонние современные знания о природе и сущности терроризма. Как следствие, на наш взгляд, постоянно возрастает значение изучения различных аспектов терроризма в системе высшего военного образования.

Литература

- Бердяев, 1990** – Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука. 1990. С. 43-271.
- Будницкий, 2000** – Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. 399 с.
- Будницкий, 2005** – Будницкий О.В. Терроризм и террористы // *Знание-сила*. 2005. № 1. С. 28-29.
- Вахрушев, 2011** – Вахрушев В.А. Исторические аспекты терроризма // *Вестник академии военных наук*. 2011. № 2 (35). С. 187-196.
- Витюк, 1993** – Витюк В.В. Терроризм постперестроечной эпохи // *Социологические исследования*. 1993. № 7. С. 42-50.
- Гейфман, 1997** – Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. / пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОНПРЕСС, 1997. 448 с.
- Городницкий, 1998** – Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 242 с.
- Гусев, 1966** – Гусев К.В. Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М.: Знание, 1966. 260 с.
- Гусев, 1975** – Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975. 383 с.
- Гусев, 1992** – Гусев К.В. Рыцари террора. М.: Луч, 1992. 144 с.
- Жаринов, 1999** – Жаринов К.В. Терроризм и террористы: исторический справочник / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Мн.: Харвест, 1999. 606 с.
- Квасов, 2005** – Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья, 1901–1911 годы. // *Вопросы истории*. 2005. № 8. С. 93-103.
- Квасов, 2010** – Квасов О.Н. Количественные параметры жертв революционного терроризма начала XX века. // *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология*. 2010. № 2. С. 24-32.

- Квасов, 2012 – Квасов О.Н. Националистические аспекты российского терроризма начала XX в. // *Проблемы национальной стратегии*. 2012. № 6 (15). С. 206-215.
- Козьмин, 1929 – Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М.: 1929. 192 с.
- Коновалова, Федорова, 2016 – Коновалова О., Федорова В. В.М. Чернов: от терроризма к пацифизму. Эволюция мировоззрения и реалии Советской России // *Российская история*. 2016. № 1. С. 116-130.
- Кременчуцкий и др., 2005 – Кременчуцкий А.Л., Дворянов Е.Я., Волков В.Ф. Международный терроризм – главная угроза XXI века. СПб.: ВАС, 2005.
- Кузнецов, 2007 – Кузнецов В.Н. Pro et contra: жандармы и революционеры в Поволжье в 1906–1917 гг. Ульяновск, ГОУ ВПО «УлГПУ», 2007. 223 с.
- Кузнецов, 2010 – Кузнецов В.Н. Революционный террор и акты экспроприации в Поволжье в начале XX века // *Вопросы истории*. 2010. № 12. С. 24-38.
- Маньков, 2008 – Маньков А.В. Революционный терроризм в России конца XIX – начала XX веков (к вопросу об актуальности научной проблемы) // *XXI век: Человек, общество, наука: Сборник научных статей / Под общ. ред. профессора О.Ю. Ефремова; Военная академия связи, Санкт-Петербургский университет МВД России. Вып. 6, СПб, Астерион, 2008. С. 78-85.*
- Маньков, 2016 – Маньков А.В. Терроризм в России: история, настоящее и будущее (к 150-летию первого террористического акта) / *Инновационная деятельность в Вооруженных Силах Российской Федерации: труды. всероссийской научно-практической конференции*. 10–11 октября 2016 г. СПб.: ВАС, 2016. С. 388-391.
- Маньков, 2017 – Маньков А.В. К вопросу об истории терроризма: истоки, становление и эволюция в России // *Вестник Чувашского университета*. 2017. № 2. С. 93-98.
- Маньков, Минеева, 2017 – Маньков А.В., Минеева Е.К. Российский революционный терроризм // *Вопросы истории*. 2017. № 7. С. 67-76.
- Нехамкин, 2015 – Нехамкин С. Заново кинжал // *Аргументы недели*. 2015. 1 октября. № 37 (478). С. 21.
- Панова, Толочко, 1996 – Панова В.И., Толочко Ф.Ш. Жандармские документы о Симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905–1907 гг.) // *Симбирский вестник: Историко-краеведческий сборник*. Вып. III. Ульяновск, 1996. С. 113-125.
- Пелевин, 2014 – Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // *Российская история*. 2014. № 1. С. 130-150.
- Поляков, 2011 – Поляков А.Б. Революционный терроризм в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. (по материалам источников личного происхождения) // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского*. 2011. № 23. С. 560-563.
- Седов, 1966 – Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М.: Мысль, 1966. 364 с.
- Сергеенкова, 2009 – Сергеенкова В.В. Проблема терроризма в теории и практике российского революционного движения // *Працы гісторычнага факультэта БДУ*. Минск, 2009.
- Сухова, 2012 – Сухова О.А. Революционный терроризм в России конца XIX – начала XX века: историография, методология, факты // *Исторический вестник*. Том 2 (149). 2012. С. 136-174.
- Тихонов, 2009 – Тихонов А. Против террора – всем обществом // *Красная Звезда*. 2009. 13–19 мая. № 83 (25326). С. 8–9.
- Федотова, 2003 – Федотова В.Г. Терроризм: от старого к новому // *Философские науки*. 2003. № 2. С. 5-25.
- Чернов, 2004 – Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Мемуары. Мн.: 2004.
- Щербаков, 2013 – Щербаков А.Ю. Терроризм. Война без правил. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. 464 с.
- Mankov et al., 2016 – Mankov A.V., Mineeva E.K., Mineev A.I., Shaypak L.A. Revolutionary terrorism: tactics, organizations and practice. *Bylye gody*, 2016, Vol. 42, Is. 4, pp. 1321-1327.

References

- Berdyaev, 1990** – *Berdyaev N.A.* (1990). *Russkaya ideya. O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture: Filosofiy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [Russian idea. About Russia and Russian philosophical culture. Philosophers of the Russian post-October abroad]. M., Nauka Publ., pp. 43-271. [in Russian]
- Budnitskii, 2000** – *Budnitskii O.V.* (2000). *Terrorizm v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)*. [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of XIX – beginning of XX century)]. M., Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. ROSSPEN Publ., 399 p. [in Russian]
- Budnitskii, 2005** – *Budnitskii O.V.* (2005). *Terrorizm i terroristy* [Terrorism and terrorists]. *Znanie-sila*. № 1, pp. 28-29. [in Russian]
- Chernov, 2004** – *Chernov V.M.* (2004). *Pered burei: Vospominaniya. Memuary* [Before the storm: Memories. Memoirs]. Minsk, Harvest Publ., 416 p. [in Russian]
- Fedotova, 2003** – *Fedotova V.G.* (2003). *Terrorizm: ot starogo k novomu* [Terrorism: from old to new]. *Filosofskie nauki*. № 2, pp. 5-25. [in Russian]
- Geifman, 1997** – *Geifman A.* (1997). *Revolutsionnyi terror v Rossii. 1894–1917* [Revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917]. Per. s angl. E. Dorman. M.: KRONPRESS. 448 p. [in Russian]
- Gorodnitskii, 1998** – *Gorodnitskii R.A.* (1998). *Boevaya organizatsiya partii sotsialistov-revolutsionerov v 1901–1911 gg.* [Fighting organization of the party of socialists-revolutionaries in 1901–1911]. M.: ROSSPEN. 242 p. [in Russian]
- Gusev, 1966** – *Gusev K.V.* (1966). *Krakh melkoburzhuznykh partii v SSSR* [The collapse of petty-bourgeois parties in the USSR]. M.: Znanie. 260 p. [in Russian]
- Gusev, 1975** – *Gusev K.V.* (1975). *Partiya eserov: ot melkoburzhuznogo revolyutsionarizma k kontrrevolyutsii* [Party of socialist-revolutionaries: from petty-bourgeois revolutionism to counter-revolution]. M.: Mysl'. 383 p. [in Russian]
- Gusev, 1992** – *Gusev K.V.* (1992). *Rytsari terror* [Knights of terror]. M.: Luch. 144 p. [in Russian]
- Konovalova, Fedorova, 2016** – *Konovalova O., Fedorova V.* (2016). *V.M. Chernov: ot terrorizma k patsifizmu. Evolyutsiya mirovozzreniya i realii Sovetskoi Rossii* [V.M. Chernov: from terrorism to pacifism. Evolution of worldview and realities of Soviet Russia]. *Rossiiskaya istoriya*. № 1. Pp. 116-130. [in Russian]
- Koz'min, 1929** – *Koz'min B.P.* (1929). *Revolutsionnoe podpol'e v epokhu «belogo terrora»* [Revolutionary underground in the era of "white terror"]. M.: 192 p. [in Russian]
- Kremenchutskii i dr., 2005** – *Kremenchutskii A.L., Dvoryanov E.Ya., Volkov V.F.* (2005). *Mezhdunarodnyi terrorizm – glavnaya ugroza XXI veka* [International terrorism – the main threat of the XXI century]. Saint Petersburg, Military Academy of Communications Publ. [in Russian]
- Kuznetsov, 2007** – *Kuznetsov V.N.* (2007). *Pro et contra: zhandarmy i revolyutsionery v Povolzh'e v 1906–1917 gg.* [Pro et contra: gendarmes and revolutionaries in the Volga region in 1906–1917]. Ulyanovsk, GOU VPO «UlGPU». 223 p. [in Russian]
- Kuznetsov, 2010** – *Kuznetsov V.N.* (2010). *Revolutsionnyi terror i akty ekspropriatsii v Povolzh'e v nachale XX veka* [Revolutionary terror and acts of expropriation in the Volga region at the beginning of the 20th century]. *Voprosy istorii*. № 12. Pp. 24-38. [in Russian]
- Kvasov, 2005** – *Kvasov O.N.* (2005). *Terroristicheskaya deyatel'nost' revolyutsionerov Tsentral'nogo Chernozem'ya, 1901–1911 gody* [Terrorist Activity of the Revolutionaries of the Central Chernozem Region, 1901–1911]. *Voprosy istorii*. № 8. Pp. 93-103. [in Russian]
- Kvasov, 2010** – *Kvasov O.N.* (2010). *Kolichestvennye parametry zhertv revolyutsionnogo terrorizma nachala XX veka* [Quantitative parameters of victims of revolutionary terrorism of the early XX century]. *Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. № 2. Pp. 24-32. [in Russian]
- Kvasov, 2012** – *Kvasov O.N.* (2012). *Natsionalisticheskie aspekty rossiiskogo terrorizma nachala XX v.* [Nationalist aspects of Russian terrorism of the early XX century]. *Problemy natsional'noi strategii*. № 6 (15). Pp. 206-215. [in Russian]
- Man'kov, 2008** – *Man'kov A.V.* (2008). *Revolutsionnyi terrorizm v Rossii kontsa XIX – nachala XX vekov (k voprosu ob aktual'nosti nauchnoi problemy)* [Revolutionary terrorism in Russia of the late XIX – early XX centuries (on the relevance of scientific problems)]. *XXI vek:*

Chelovek, obshchestvo, nauka: Sbornik nauchnykh statei. Pod obshch. red. professora O.Yu. Efremova; Voennaya akademiya svyazi, Sankt–Peterburgskii universitet MVD Rossii. Vyp. 6, SPb, Asterion. Pp. 78–85. [in Russian]

[Man'kov, 2016](#) – *Man'kov A.V.* (2016). Terrorizm v Rossii: istoriya, nastoyashchee i budushchee (k 150-letiyu pervogo terroristicheskogo akta) [Terrorism in Russia: history, present and future (to the 150th anniversary of the first terrorist act)]. *Innovatsionnaya deyatel'nost' v Vooruzhennykh Silakh Rossiiskoi Federatsii: trudy. vsearmeiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 10–11 oktyabrya 2016 g.* Spb.: VAS, pp. 388–391. [in Russian]

[Man'kov, 2017](#) – *Man'kov A.V.* (2017). K voprosu ob istorii terrorizma: istoki, stanovlenie i evolyutsiya v Rossii [On the History of Terrorism: Origins, Formation and Evolution in Russia]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta.* № 2, pp. 93–98. [in Russian]

[Man'kov, Mineeva, 2017](#) – *Man'kov A.V., Mineeva E.K.* (2017). Rossiiskii revolyutsionnyi terrorizm [Russian revolutionary terrorism]. *Voprosy istorii.* № 7. Pp. 67–76. [in Russian]

[Mankov et al., 2016](#) – *Mankov A.V., Mineeva E.K., Mineev A.I., Shaypak L.A.* (2016). Revolutionary terrorism: tactics, organizations and practice. *Bylye gody.* Vol. 42, Is. 4, pp. 1321–1327.

[Nekhamkin, 2015](#) – *Nekhamkin S.* (2015). Zandov kinzhal [Zands dagger]. *Argumenty nedeli.* 1 oktyabrya. № 37 (478). P. 21. [in Russian]

[Panova, Tolochko, 1996](#) – *Panova V.I., Tolochko F.Sh.* (1996). Zhandarmskie dokumenty o Simbirskikh sotsialistakh-revolutsionerakh (period revolyutsii 1905–1907 gg.) [Gendarmers' documents on the Simbirsk Socialists-Revolutionaries (the period of the revolution of 1905–1907)]. *Simbirskii vestnik: Istoriko-kraevedcheskii sbornik.* Vyp. III. Ul'yanovsk. Pp. 113–125. [in Russian]

[Pelevin, 2014](#) – *Pelevin Yu.A.* (2014). Yuzhnye buntari i «Chigirinskii zagovor» [Southern rebels and «Chigirin conspiracy»]. *Rossiiskaya istoriya.* № 1. Pp. 130–150. [in Russian]

[Polyakov, 2011](#) – *Polyakov A.B.* (2011). Revolyutsionnyi terrorizm v Penzenskoi gubernii v 1905–1907 gg. (po materialam istochnikov lichnogo proiskhozhdeniya) [Revolutionary terrorism in the Penza province in 1905–1907 (on the base of personal origin sources)]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo.* № 23. Pp. 560–563. [in Russian]

[Sedov, 1966](#) – *Sedov M.G.* (1966). Geroicheskie period revolyutsionnogo narodnichestva [Heroic period of revolutionary populism]. M.: Mysl'. 364 p. [in Russian]

[Sergeenkova, 2009](#) – *Sergeenkova V.V.* (2009). Problema terrorizma v teorii i praktike rossiiskogo revolyutsionnogo dvizheniya [The Problem of terrorism in the theory and practice of the Russian revolutionary movement]. Pratsy gistorychnaga fakul'teta BDU. Minsk. [in Russian]

[Shcherbakov, 2013](#) – *Shcherbakov A.Yu.* (2013). Terrorizm. Voina bez pravil [Terrorism. War without rules]. M.: ZAO «OLMA Media Grupp», 464 p. [in Russian]

[Sukhova, 2012](#) – *Sukhova O.A.* (2012). Revolyutsionnyi terrorizm v Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: istoriografiya, metodologiya, fakty [Revolutionary terrorism in Russia of the late XIX – early XX century: historiography, methodology, facts]. *Istoricheskii vestnik.* Tom 2 (149). Pp. 136–174. [in Russian]

[Tikhonov, 2009](#) – *Tikhonov A.* (2009). Protiv terrora – vsem obshchestvom [Against terror-the whole society]. *Krasnaya Zvezda.* 13–19 maya. № 83 (25326). Pp. 8–9. [in Russian]

[Vakhrushev, 2011](#) – *Vakhrushev V.A.* (2011). Istoricheskie aspekty terrorizma [Historical aspects of terrorism]. *Vestnik akademii voennykh nauk.* № 2 (35), pp. 187–196. [in Russian]

[Vityuk, 1993](#) – *Vityuk V.V.* (1993). Terrorizm postperestroicheskoi epokhi [Terrorism post-perestroika]. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* N 7, pp. 42–50. [in Russian]

[Zharinov, 1999](#) – *Zharinov K.V.* (1999). Terrorizm i terroristy: istoricheskii spravochnik [Terrorism and terrorists: a historical Handbook]. Pod obshch. red. A.E. Tarasa. Minsk, Kharvest Publ., 606 p. [in Russian]

История терроризма: революционный терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Андрей Васильевич Маньков ^{a, *}

^a Военная академия связи имени С.М. Буденного, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится исторический анализ российского революционного терроризма. Автор исследует истоки генезиса и особенности становления революционного терроризма в нашей стране в XIX в. и эволюцию его организационных форм в начале XX в. Основное внимание уделено истории крупнейших российских народнических революционно-террористических организаций (ишутинцы, «Народная расправа», «Земля и воля» и «Народная воля»), а также террористической тактики партии социалистов-революционеров (эсеров). Приводятся наиболее важные факты их террористической практики. Сделан вывод о том, что в своей истории российский революционный терроризм прошел несколько этапов: народнический, народовольческий, эсеровский и другие.

Ключевые слова: терроризм, этапы терроризма, революционно-террористические организации, теракт, народники, ишутинцы, «Народная расправа», «Земля и воля», «Народная воля», партия социалистов-революционеров, акты «внутреннего терроризма», военнослужащие.

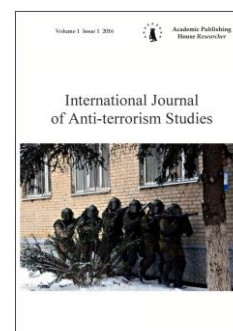
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: 63donetsk@mail.ru (А.В. Маньков)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
International Journal of Anti-terrorism Studies
Has been issued since 2016.
E-ISSN: 2454-0838
2019, 4(1): 16-24

DOI: 10.13187/ijats.2019.1.16

www.ejournal50.com

Bioterrorism and Chemical Attacks

Akif M. Marifli ^{a, *}

^a Institute for Political Studies of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Republic of Azerbaijan

Abstract

The article deals with issues related to biological terrorism and chemical attacks. It is noted that biological terrorism is one of the most terrible problems throughout the modern world, and the truth is that biological terrorist crimes are the result of the development of science, and also constitute a terrorist action that has received a daily dynamic spread. It also presents the main forms of technical warfare, which has become one of the most pressing problems of today, and this is the usual fight against biological terror.

The article studies the experience gained by international organizations and states in the field of combating biological terrorism as well as analyzes similar features and differences existing between them.

Here, in order to prevent a normal life in society, as well as to realize own advantage of ideas, biological terror comes into contact with such factors as fear, illness and trauma. Explanations, as well as the properties of biological and chemical weapons, are considered.

It is rightly noted that globalization is one of the main reasons for the wide spread of chemical weapons and biological terrorism. Yes, it is globalization.

Because globalization provides information and supportive environment for use of biological agents for terrorist purposes.

For this reason, there is no doubt that globalization is one of the most important moments of international terrorism.

As a result of globalization, multinational terrorist organizations emerged, terrorism was globalized, and the world became the target of terrorist acts.

It is stated here that a few kilograms of biological substances are sufficient to produce hundreds of thousands of tons of chemicals to seriously affect military operations and, if necessary, to create the same negative effect.

The article considers interesting conclusions of Western scientists as well as analyzes the essence of this issue. In principle, an explanation of the differences between the studies was provided. The article examines the issue of whether biological terrorism is one of the greatest dangers threatening peace, and whether the conclusions of local and foreign experts are in line.

At the end of the article, said that it is important to diagnose and begin effective treatment in the geographical areas of natural distribution of chemical weapons and biological factors.

Keywords: bioterrorism, attack, war, weapons, chemicals, bacteria, terror, impact, political, water, anthrax, organization.

* Corresponding author

E-mail addresses: akif.marifli@gmail.com (A.M. Marifli)

1. Introduction

The realization of the acts embracing the use of the weapons of mass destruction, mass murder of people, infliction of ecological damages by terrorist organizations for their political goals is among the most critical issues of the latest period. Biological terror is the damage inflicted on the life and health conditions of people by using dangerous biological agents to achieve political and material goals.

It should be noted that bio-terrorism (bio-terror) is the use of biological factors against individuals, groups or wider mass of population to generate fear, disseminate diseases or generate fear of causing diseases with an aim of ceasing a normal life or gaining an ideological advantage in society. The Western authors characterize bio-terrorism as follows, "Bio-terrorism is the destruction of human beings, food supplies (including agriculture), biological and ecological resources through biological preparations and toxins, and maintenance of them under control from outside. In a wider sense, bio-terrorism is interconnected with economic, ecological, food, genetic and agro terrorism ([Bioterrorizm, 2010](#)). In bio-terror, which appears as a new scientific research theme, the target is societies, and the aim is generation of impact, fear. Terrorist organizations make efforts to artfully use all types of modern information technologies in introducing their titles and strengths to wider masses, providing the dissemination of their political targets and ideologies, and thus meeting their goals.

Bio-terror has existed since the ancient times: contamination of water wells, transfer of birds and animals spreading different diseases to besieged cities during wartime, etc. The widespread use of biological warfare and terrorism occurred in the XX century. One can cite the increase of biotechnology specialists and the easier access to biological and bacteriological products as the main reason for the expansion of bioterrorism.

Realizing the great danger following the collapse of the USSR, the USA gave a start to active measures to solve the security problem. Sam Nunn and Richard Lugar, two senators of the USA, who gave priority to the emergency of taking the actions on a wider arena, suggested the implementation of the Cooperative Threat Reduction Program - the draft bill they produced in 1991. According to the financial report of 1992, 400 million US dollars was initially allocated from the budget on the program (the Nunn-Lugar Program) aimed to deactivate the weapons of mass destruction or if need be, to destroy all kinds of structures related to them in the former Soviet states: Russia, Georgia, Ukraine, Azerbaijan, Belorussia, Uzbekistan and Kazakhstan by the US Department of Defense in accordance with the adopted draft bill ([Cheryl, 2016](#)).

In 1970-2012 about 245 biological terroristic acts broke out in the world. In the period when no nuclear terroristic incident was registered at all, 200 attacks were realized with chemical weapons, 32 incidents were recorded as terroristic acts committed through biological weapons, whereas 12 incidents were registered to have been committed through radiological weapons. Besides, up to 1 December 2015 in connection with the use of nuclear and other radioactive substances 2889 incidents were recorded out of which 454 were stated as unauthorized stockpiling and related criminal activities, 762 as theft or loss, and 1622 as other activities and incidents, or unidentified acts ([IAEA, 2016](#); [Kiremitçi, 2014](#)).

The explanation, characteristics and history of biological weapons are of special importance. To give the explanation of the notion "a biological weapon" consisting of two different words, one should first consider the meanings of the two words separately. 'Biology', which originated from the Latin root *bio* (life), in this sense, is a scientific discipline studying life and the structure, function, development, origins, evolution, dissemination and classification of living beings. And 'a weapon' is the total of the means that can kill, wound the living beings, reduce them to a useless state, make the living organisms sick, disrupt or eliminate the lifeless things. It should be noted that the postal attacks that carrying Anthrax, the biological weapons drawing the attention of the world community, the micro-organisms, toxins used and cultured to leave a harmful impact, substances killing plants, as well as harmful insects and animals, etc. can be considered biological weapons. The infection introduced through the biological substances into the evaporative air spray, explosives, water or food as well as medical substances is among the vital issues of bioterrorism. Also, the biological weapons inflicting wide masses and having fatal effects differ clearly from other weapons of mass destruction due to their characteristic features, as they are accessible easily and inexpensively, their impact increases and resists, they are easily utilized, but detected belatedly. It should be reminded that a biological attack even with a small diameter can result in high

mortality rate (Rosen, 1999). At present the impacts of biological attacks are increasing on a par with technology. The developed biotechnical researchers have proven the dissemination of over 30 new infectious diseases. Given that, there is a need in new research methods and ways of fighting for the safety of the entire world.

Taking into account the above-stated, one should divide biological weapons into targets and means. By 'the means' of biological weapons, one should understand bacteria, viruses, toxins, and fungi. By 'the targets' one should identify human beings (mortality, diseases, fear), animals (food supply, economy, fear), plants (food supply, economy).

2. Materials and methods

The materials are mainly used from the works of the foreign scholars who had researches in the sphere of terrorism, periodicals, and official internet resources. The methodological grounds of the work consist of the basic methods of objective, systematic and chronological links between the events, comparative analysis of terrorist acts of the distant past and modern terrorist acts and their types, as well as synthesis of scholarly researches in this area, and analysis of theoretical, practical and virtual methods and techniques applied by the famous terrorist organizations.

The article provides a comparative analysis of the consequences of bioterrorism, the most common type of terrorism in the modern world, which is claimed to be a quiet death, and it is emphasized that it has become a global problem and disturbs the whole humanity.

The outcomes of the research can be used as analytical materials in the educational process of the universities as well as by specialists as a reference.

3. Discussion

Biological weapons have their own peculiarities: the spread of a virus is not detected for some time, and after a while there starts a process when living beings around are getting sick and destroyed. During the biological terror mainly water, soil and air are contaminated.

Biological and chemical weapons have been widely used as the weapons of mass destruction since the most ancient times. It is supposed that biological and chemical weapons, which enjoy a number of advantages over such classical weapons as confidentiality, mass destructions, causing panic and social explosions, are and will be used widely by states and terrorist organizations against the countries defined as enemies. Given that Azerbaijan is situated in a strategic region, the state of readiness for biological and chemical warfare is the basic element to define the success in future wars and the trust of a citizen in his/her state.

Like the epidemics of cholera spread in the past, bioterrorism can also cause political and social disorder. Depending on their structures, terrorist groups may or may not obtain a biological weapon with much wider effects; however, most of the nations are capable of manufacturing weapons. It is a well-known fact that some states used to support terrorism which increases the probability of a terrorist attack to be conducted biologically. Most of these countries are non-democratic countries, and encounter political non-stability (Çaşın, 2008). However, no matter what ideological hues they have, the terrorists in democratic societies are people protesting against the authorities in power, helpless and alienated from liberal democratic values. (Güzel, 2002).

Planes, pilotless aircrafts, rockets, shells, cannons, bombs, mines, generators and other means, postal transmission or proliferation through insects, bugs, intervention into an air circulation system or provocation in food products can be used in releasing, proliferation and dispersing these micro-organisms. The biological weapons, which cannot be perceived or whose detection is very difficult and takes time in an open site, can increase fast in appropriate environments and can provide adaptation to the environment to an extent when all protective measures may turn useless. The biological weapons whose smallest amount can be lethal are at the top of the list of the greatest and most dangerous weapons harmful to living beings, whereas chemical weapons are less lethal when spilled or watered (Karayılanoğlu et al., 2006).

The biological substances can be released on the crowd in the form of aerosol cloud without any smell and taste. Then their dimensions can be 1-5 micrometers or microns (one millionth of a meter). Naturally, these extremely small particles cannot be seen with human eyes, which makes it a comfortable feature in many aspects. For instance, while chemical substance must be used in hundreds of thousands tons to cause a serious impact during the military action, a few kilograms of biological substance is sufficient to generate the similar negative effect. The mortality rate of some

biological weapons is much higher than the effects to be generated after releasing 50kg powder of Anthrax, cholera and tularemia substances on the 2 square km area in the center of a settlement with a population of 500000 people. Earlier for biological terror, men used plants and arrows infected with toxins, also tried to kill their enemies by throwing the poisonous substances obtained from feces into the water reserves (Mowatt-Larssen, 2010).

The Tatar fighters tried to generate an epidemic by throwing the corpses infected with cholera through cannons over the walls into the city of Caffa in order to defeat their enemies in the Crimean war in 1346 (Croddy, 2002; Derbes, 1966; Wheelis, 2002). On 24 June 1763 during the Rebellion of Pontiac (1763-1766) Capital Simeon Ecuyer, one of the responsible officers of General Jeffrey Amherst, the British commander-in-chief in North America provided the Indians as “a demonstration of good will” with blankets infected with viruses of chickenpox and measles, which could as well be defined as a biological weapon, in order to get rid of them. He even wrote about it in his register, “I hope that it will yield a desirable effect” (Sipe, 1929; Riedel, 2004).

The Japanese Program of Biological Weapons existing under the title “Module 731” caused the death of thousands of Chinese in Manchuria, and the English conducted numerous tests with carbons on Gruinard Island located off the Scottish coast (Gruinard, 1942). In 1942 the USA launched a program of biological weapons, and in 1969 accomplished the armament; however, following this event in his commentary President Richard Nixon stated his country’s unconditional refusal of the use of biological weapons in any way. For its attempts in the program of biological weapons, the USSR established the Sverdlovsk Production Centre with 60000 employees where most researchers and scholars in biological weapons worked in the world (Karayılanoğlu, 2006). On the other hand, Vietnam and its allies utilized mycotoxins called “yellow rain” as a biological weapon in Laos and Cambodia in 1981 (Tucker, 2001). Similarly, by the end of 1991 the UNO claimed its detection of projects based on a biological weapon with carbon and botulinum during the Gulf war (Frederich et al., 1997).

On occasions the terrorist organizations have openly expressed their intention to possess the weapons of mass destruction. For instance, Osama bin Laden, the ex-leader of the al-Qaeda terrorist organization, who was killed by the USA in a special 40-minute operation on 2 May 2011 (The interview, 2016; Cynthia, 2012), addressed his comrades-in-arms in 1999, “The pagans are in the Muslims’ land, in the land where the Prophet Muhammad was born and the Qurani-Kerim was sent. The situation is very serious”. He stated, “It might be a sin for the Muslims not to use the weapons which will prevent the pagans from harming the Muslims” (Tellen, 2008) and emphasized that the non-Muslims should either convert to Islam or live under the Muslim dominion (Forced Conversion). In parallel with this motivation, the members of the terrorist organization in the camps supported by al-Qaeda in Afghanistan were informed about the weapons of mass destruction through the internet, scientific and technological resources and conferences. The documents of al-Qaeda office in Afghanistan reflected some projects much more serious than the ones targeted at the production of nuclear weapons. For instance, the Russian Intelligence Service reported about the arrest of a group of terrorists trying to sell uranium to be used in the production of nuclear weapons to the Pakistani terrorist organization guided by bin Laden. Similarly, al-Qaeda also made some attempts to obtain dangerous chemical substances and toxins. Likewise, in his September 2006 speech Abu Ayyub al-Masri, one of the Iraqi leaders of al-Qaeda offered a joint cooperation addressing nuclear specialists and engineers specialized in explosives (Rising, 2006). The pivot of the last address was a fatwa issued in 2003 (Roberts, 2010). In general, this organization targeted at the production of Anthrax by the end of 1990s. For that reason, in 1999 it started to collaborate with food pathologist and veterinarian Rauf Ahmed, who worked for the Pakistan Council for Scientific and Industrial Research. Ahmad established a small laboratory in Kandahar and launched the production of lethal Anthrax. In early 2001 the organization employed another scientist named Yazid Sufaat, who had earlier served in the Malaysian army and got his education at the Biology Faculty of California State University (Mowatt-Larssen, 2010). Moreover, al-Qaeda came to a conclusion that the agricultural aircrafts were convenient to disseminate the biological weapons in the densely-populated areas and took some targeted actions. For instance, Zacarias Moussaoui, a US resident and the member of the organization was arrested while intending to get a documented permission from the course that trains pilots for the agricultural drug administration aircrafts in Minnesota. The contemplation over Moussaoui’s arrest first brings to mind the use of such aircrafts by al-Qaeda to release carbon

on people. However, in 2001 both Sufaat's attempts to move to Malaysia and Ahmad's arrest by the Pakistani authorities caused some interruption in such kind of actions by al-Qaeda. However, the outbreak of the 11th September 2001 attacks just in the same year and further the biological terror attacks through the letters laced with Anthrax require some contemplation.

On the other hand, the increase of the financial power of the terrorist organizations affected by globalization and the turn of the state-supported terrorism into a popular form of fighting strategy have managed to open new horizons before terrorist organizations. Thus, the training and increase of terrorists, who have dangerous chemical weapons, bacteria carrying infectious diseases in their hands or possess some effective means to open the way to the death of thousands of people, is already an inevitable reality. It is a psychological effect the use of biological weapons will impose on society and its attractiveness for the terrorist organization that interest the terrorists rather than the elements motivating the use of those weapons. The reasons for the inclination of terrorist organizations towards biological weapons can be interpreted as follows. In the terroristic acts committed through biological weapons, great masses can be affected either physically or spiritually with the substances used in small amounts. Since, the aim of these acts is the mass panics rather than mass destruction. It is possible to manufacture biological weapon substance in big amounts in a small house or 25-20-square-metre small laboratories appropriate for the terrorists' goal. Biological weapons are the weapons of mass destruction obtained at the lowest cost. Owing to this peculiarity, these weapons are also referred to as "the A bomb of poor countries". The incubation period inherent to biological weapons enables the terrorists to escape without being identified. Biological weapons cause only diseases and death of living beings. They do not have subversive effects, unlike other weapons of mass destruction. This peculiarity allows the user not to appear in the centre of actions, and makes his detection extremely difficult which is, in fact, the main reason for its choice by terrorist organizations.

Due to the above-stated technological developments, the impact generated on military and civil units through biological weapons in the recent years has reached unbelievably dangerous dimensions in which globalization has also a great impact. Since, globalization provides information on and favorable conditions for terroristic utilization of biological substances. Thus, globalization is, undoubtedly, one of the most important points of use of the international terrorism. As a result of globalization there appeared multinational terrorist organizations, terrorism got globalized, and terrorist acts began to target the world.

As mentioned earlier, like biological weapons, the chemical weapons are also characterized by distinctive features, thus, can be classified as follows:

After affecting the nervous system **nerve gases** cause death in a short period of time. Sarin, Tabun and Soman were prepared by Hitler's instructions in 1936-1944. It should be reminded that on 20 March 1995 Sarin was used in one sect's attack to the Tokyo underground in Japan. Consequently, 12 people died, 50 people got wounded, and 5000 people suffered temporary vision problem (Osaki, 2015).

In the utilization of **teasing and corrosive gases** eyes, skin and respiratory tract tissues are the areas that suffer first. Though they are not lethal, they can cause considerable health problems. Mustard, lewisite, phosgene oxime and others are factor substances.

Suffocating gases cause lung cancer damaging the respiratory tract seriously. Phosgene, chlorine, chloropicrin are important factor substances.

Blood toxins are fatal. Cyanide has a composition of Sian-chloride. Cyanide substances were also used in Hitler's gas chambers (Bioloji, 2012).

Although **Anthrax** is not contagious from person to person, it has a potential to disseminate massively in a large area through aerosol (air-powder) due to its capability to survive in environment for a long time. Being a serious infectious disease, anthrax is characterized by septicemia, inflammation of intestines, lungs, lymphatic nodes and appearance of carbuncles ranging in size. It should be pointed out that Vozrozhdeniye Island belonging to both Uzbekistan and Kazakhstan used to be the centre of factories of biological weapons testing on animals the agent of anthrax as well as other special preparations. However, as a result of the formation of an area of land between the island and the continent due to the fall of the level of the Aral Sea, there is a likelihood of contacts of animals and human beings with the contaminated soil (Samye strashnye, 2013).

In 1979 an occasional spread of spores aerosolized in the military laboratory in Sverdlovsk in the former Soviet Union resulted in the 75 registered cases of death from anthrax. In 1995 Aum Shinrikyo terrorist grouping disseminated the aerosolized cells of anthrax in the Tokyo underground system in the Japanese capital. Consequently, 13 people died, over 6000 people were hospitalized with different levels of intoxication (Yuki et al., 2011). Six years later in October 2001 another incident similar in nature was recorded in Washington D.C., as letters laced with the cells of anthrax were sent by the postal system; consequently, 22 cases of anthrax were registered (Inhalational..., 2001).

Due to the following reasons, anthrax is one of the frequently used agents in bio-terrorism:

- 1) It switches to the form of a spore in a short period of time;
- 2) The spores enjoy high resistance against environmental factors and disinfections;
- 3) As aerosolized spores lack any smell or colour, their dissemination occurs unexpectedly (Shannon, 2004);
- 4) Disease results in death in a short period of time;
- 5) The strain resistant to antibiotics can easily be prepared.

In-between the First and Second World Wars stability seemed to reign in the world. However, the USA would try any means to expand its pervasive policy and its dominion in the world. In this period Japan did not provide any support to the consolidation of the US alliance in Great Britain. Despite all this, the USA rendered assistance to Japan following the war under the Commander-in-chief General Douglas. Taking advantage of the quiet situation, Japan turned out to have developed its biological weapon. And even after Japan's assault on China, in the 1930s experiments were conducted on Chinese schoolchildren among whom Japanese military personnel had distributed special chocolate bars infected with anthrax spores which had irresistible effects (Ernest, 1992). By the way, despite the existence of the Geneva Protocol for the Prohibition of the Use in War of Asphyxiating, Poisonous or Other Gases, and of Bacteriological Methods of Warfare adopted in 1925 in connection with chemical and biological weapons, two research centres for biological warfare – Unit 731 and Unit 100 were created (Japanese..., 2012). Under the leadership of General Ishii Siron 3000 Japanese researchers studied the person afflicted with plague and anthrax at the Headquarters of Unit 731 in Harbin (Experiments). Despite the rare occurrence of the intestinal form of anthrax, the fact of its appearance as a result of bio-terrorism is of importance.

4. Results

Initiatives to prohibit the use of chemical and biological weapons had been launched by the late 19th century. The Brussels Declaration published in 1874 was the first to consider the use of poisonous weapons illegal (Project, 1874). Twenty-five years later in 1899 The Hague Peace Conference reached an agreement to avoid the use of any weaponry comprising any gas suffocating or harmful to health (Convention, 1899). Despite these rules, World War I saw the intensive use of chemical and biological weapons. In accordance with the 1925 Geneva Protocol the suffocating, poisonous and other types of gases, the methods of bacteriological warfare were banned. The enforcement of this agreement began in 1928. Further this protocol became obligatory for all the countries (Protocol, 1925).

At the 1960 Geneva Conference on Disarmament there were discussions on the expansion of the Geneva Protocol and the ban of biological weapons. Despite the fact that the USA had not signed the Geneva Protocol, in 1969-1970 it unilaterally issued a declaration that it would not use biological weapons and the ones containing toxins, and signed the Convention on Banning the Development of Bacteriological and Toxin Weapons concluded in 1972. The Convention on the Ban of Biological Weapons of 10 April 1972 (Public health, 2004) was signed by 146 UN-member countries, and in 1975 it was enforced (Biological Weapons, 1972). The agreement banned the development, production, collection, purchase, granting and sales of the biological weapon by the member countries; also, restriction was imposed on the use of the tools and devices related to the development and production of biological weapons. The application of the Biological Weapons Convention is supervised by review conferences convened in every 5-6 years. By the decision adopted at the third review conference convened in 1992, the member countries were requested to provide explanation for their use of biological weapons until 1992. Consequently, Canada, France,

Great Britain and the USA declared their production of biological weapons prior to the enforcement of the Biological Weapons Convention, while Russia admitted its partial production of biological weapons in 1946-1992 (Moodie, 2001). As mentioned earlier, along with the USA, many countries including Canada, Great Britain, France and the former USSR continued the research on biological weapons. In 1947 Great Britain established the Research Department of Microbiology, and in 1951 extended its activities further to make experimental biological war plans. Also, researches continued to develop new biological agencies and to improve the design of weapons. Although in 1957 the British government decided to reject the research of nasty biological weapons along with the elimination of its reserves, Britain nevertheless tested military biological weapons several times on the Bahamas, the Isle of Lewis and in the waters of Scotland (Moodie, 2000). At that time the development of the biological defence researches was also founded. Meanwhile, the Soviet Union developed its efforts in both fields – the study of biological weapons and the defence from biological attack. Despite the official claim of the Soviet Union against its possession of any biological and chemical weapons, the reverse was continually revealed in its 1960 and 1970 reports on attack researches (Carter, 1992).

5. Conclusion

It should be noted that the study of geographical regions where the biological factors develop naturally, the epidemiological data and the development of the systems of epidemiological control are the measures to be taken prior to any attack. In the state of attack, it is essential to diagnose the biological factors and immediately start an effective treatment.

6. References

- Biological Weapons, 1972** – Biological Weapons. The Biological Weapons Convention. Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on their Destruction. 10 April 1972. [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/disarmament/wmd/bio/>
- Bioloji, 2012** – Bioloji və kimyəvi müharibə təhdidi [Bioterrorizm 12 noyabr 2012-ci il]. [Electronic resource]. URL: http://www.faktxeber.com/bioloji-v-kimyvi-mharib-thdidi---bioterrorizm_h414026.html
- Bioterrorizm, 2010** – Bioterrorizm – ugroza XXI veka [Bioterrorism is a threat to the 21st century]. Oruzhie dlya upravleniya chelovechestvom., 28 iyulya 2010. [Electronic resource]. URL: <https://www.liveinternet.ru/community/3629085/post131329794/> [in Russian]
- Carter, 1992** – Carter, G.B. (1992). Biological warfare and biological defense in the United Kingdom 1940–1979. *Royal United Service Institute Journal*. 137: 67-74.
- Çaşın, 2008** – Çaşın, M.H. (2008). Uluslararası terörizm. Ankara, Nobel Yayın Dağıtım. 939 p. P. 681.
- Cheryl, 2016** – Cheryl P. (2016). Cooperative Threat Reduction Program – You want to do WHAT for the Soviet Union? DoD News, Defense Media Activity, May 10, 2016. [Electronic resource]. URL: <http://science.dodlive.mil/2016/05/10/cooperative-threat-reduction-program-you-want-to-do-what-for-the-soviet-union/>
- Convention, 1899** – Convention (II) with Respect to the Laws and Customs of War on Land (Hague, II) (29 Jul 1899). // Organisation for the prohibition of chemical weapons. [Electronic resource]. URL: <https://www.opcw.org/chemical-weapons-convention/related-international-agreements/chemical-warfare-and-chemical-weapons/hague-convention-of-1899>
- Croddy, 2002** – Croddy E. (2002). Chemical and Biological Warfare. A Comprehensive survey for the concerned citizen. New York, Copernicus Books. 303 p., pp. 3-18.
- Cynthia, 2012** – Cynthia R. Fagen (2012). Navy SEAL's firsthand account of Osama bin Laden's death September 2, 2012. [Electronic resource]. URL: <http://nypost.com/2012/09/02/navy-seals-firsthand-account-of-osama-bin-ladens-death/>
- Derbes, 1966** – Derbes V.J. (1966). De Mussis and the great plague of 1348. A forgotten episode of bacteriological warfare. *JAMA*, 196 p., pp. 59-62.
- Ernest, 1992** – Ernest T. (1992). History of biological warfare. A significant events: A historical perspective. September. [Electronic resource]. URL: <http://www.gulfwarvets.com/biowar.htm>

Experiments – Experiments. Japan's Biological Warfare Project. [Electronic resource]. URL: <http://www.unit731.org/Experiments.html>

Forced Conversion – Forced Conversion, What does Islam really teach about forced conversion? [Electronic resource]. URL: <https://www.thereligionofpeace.com/pages/quran/forced-conversion.aspx>

Frederich et al., 1997 – *Frederich R. Sidell, Ernest T. Takafuji, David R. Franz* (1997). “Historical Overview of Biological Warfare”. Introduction early use during and after World War II The 1972 Biological weapons convention recent events: 1972 to 1994 conclusions. Textbook of Military Medicine, Part I: Warfare, Weaponary, and the Casualty: Medical Aspect of Chemical and Biological Warfare. Washington, DC: Borden Institute, Walter Reed Army Medical Center, pp. 415-423. P. 721.

Gruinard, 1942 – Gruinard Island Anthrax Biological Warfare Experiment Great Britain 1942. [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TIpB2gV1iyk>

Güzel, 2002 – *Güzel C.* (2002). Silinen yüzler karşısında terör. Ankara – Toplumbilim – Siyasetbilim. 07. 456 p. P. 177.

IAEA, 2016 – IAEA Incident and Trafficking Database (ITDB) Incidents of nuclear and other radioactive material out of regulatory control 2016 Fact Sheet, p. 2. [Electronic resource]. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/17/12/itdb-factsheet-2017.pdf>

Inhalational..., 2001 – Inhalational Anthrax Outbreak among Postal Workers, Washington, D.C., 2001. Emerging infectious diseases. Centers for Disease Control and Prevention. *Bioterrorism-related Anthrax*. Vol. 8, № 10.

Japanese..., 2012 – Japanese use of plague during World War II. Contagions, July 14, 2012. [Electronic resource]. URL: <https://contagions.wordpress.com/2012/07/14/japanese-use-of-plague-during-world-war-ii/>

Karayılanoğlu et al., 2006 – *Karayılanoğlu T., Kenar K., Ortatath M. ve Öztuna A.* (2006). Şarbon şüpheli pakete NBC laboratuvarlarının yaklaşımı: Olgu sunumu. Türk Hijyen ve Deneysel Biyoloji Dergisi NBC Özel Sayısı. LXIII (1, 2, 3), 165-169.

Kiremitçi, 2014 – *Kiremitçi İ.* (Kasım/November 2014). Küresel Boyutta Biyolojik Terör Tehdidi. Savunma Bilimleri Dergisi The Journal of Defense Sciences Cilt/Volume 13, Sayı/Issue 2, 27-58.

Moodie, 2000 – *Moodie M., Carpenter W.D.* (2000). “Industry of Arms Control” in biological Warfare: Modern Offence and Defence, edited by Raymond A. Zilincas (Boulder, Colo.: Lynne Rienner, 2000), p. 178.

Moodie, 2001 – *Moodie M.* (2001). The Soviet Union, Russia, and the Biological and Toxin Weapons Convention. The Nonproliferation Review/Spring. pp. 59-69, 61-65.

Mowatt-Larssen, 2010 – *Mowatt-Larssen R.* (2010). Al Qaeda Weapons of Mass Destruction Threat: Hype or Reality? January 2010 [Electronic resource]. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/al-qaeda-weapons-mass-destruction-threat-hype-or-reality>

Mowatt-Larssen, 2010 – *Mowatt-Larssen R.* (2010). Al Qaeda Weapons of Mass Destruction Threat: Hype or Reality? A Timeline of Terrorists' Efforts to Acquire WMD. Belfer Center for Science and International Affairs, January 2010.

Osaki, 2015 – *Osaki T.* (2015). Deadly sarin attack on Tokyo subway system recalled 20 years on. March 20, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2015/03/20/national/tokyo-marks-20th-anniversary-of-aums-deadly-sarin-attack-on-subway-system/#WWCGuoS9Wxl>

Project, 1874 – Project of an International Declaration concerning the Laws and Customs of War. On military authority over hostile territory. Brussels, 27 August 1874. International Committee of The Red Cross. [Electronic resource]. URL: <https://www.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/ART/135-70006?OpenDocument>

Protocol, 1925 – Protocol for the Prohibition of the Use of Asphyxiating, Poisonous or Other Gases, and of Bacteriological Methods of Warfare. Geneva, 17 June 1925. International Committee of the Red Cross. [Electronic resource]. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/INTRO/280?OpenDocument>

Public health, 2004 – Public health response to biological and chemical weapons. WHO guidance. World Health Organization Geneva, 2004. p. 339, pp. 110-113.

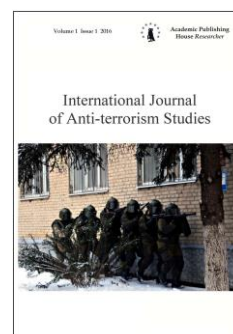
- Riedel, 2004** – *Riedel S.* (2004). Biological warfare and bioterrorism: a historical review. *Proc (Bayl Univ Med Cent)*. October, 17 (4): 400-406. [Electronic resource]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1200679/>
- Rising, 2006** – *Rising D.* (2006). Al Qaeda in Iraq beckons nuclear scientists Also calls for kidnappings of Westerners. *Associated Press*, September 29, 2006. *The Boston Globe* [Electronic resource]. URL: http://www.boston.com/news/world/articles/2006/09/29/al_qaeda_in_iraq_beckons_nuclear_scientists
- Roberts, 2010** – *Roberts G.* (2010). Preventing weapons of mass destruction terrorism: Building international partnership to meet the challenge, 4 February 2010 pp. 9-17. [Electronic resource]. URL: http://www.nato.int/science/2010-02-04-presentations/Osman%20Aytac_COEDAT_cmp.pdf
- Rosen, 1999** – *Rosen P.* (Ed.). (1999). *Chemical and Biological Terrorism: Research and Development to Improve Civilian Medical Response*, Institute of Medicine, National Research Council, The National Academy Press, Washington D.C. pp. 128-138.
- Samye strashnye, 2013** – Samye strashnye ostrova mira [The scariest islands in the world]. 3 fevralya 2013. [Electronic resource]. URL: <http://lifeglobe.net/entry/1569> [in Russian]
- Shannon, 2004** – *Shannon M.* (2004). Management of infectious agents of bioterrorism. *Clinical Pediatric Emergency Medicine*. March, pp. 63-72.
- Sipe, 1929** – *Sipe C.H.* (1929). *The Indian Wars of Pennsylvania*. Harrisburg, PA: Telegraph Press. 1205 p. P. 560.
- Tellen, 2008** – *Tellen P.C.* (2008). *Deference and nuclear terrorism*. Washington D.C. American University. 165 p. P. 9.
- The interview, 2016** – The interview of US president Barak Obama to CNN – 5 years ago the U.S. killed Osama bin Laden. Did it matter? [Electronic resource]. URL: <http://edition.cnn.com/2016/05/02/politics/terrorism-bin-laden-raid-2016-isis/>
- Tucker, 2001** – *Tucker J.B.* (2001). The “Yellow Rain” Controversy: Lessons for Arms Control Compliance. *The Nonproliferation Review/Monterey*, Spring 2001, p. 25-42., p. 27.
- Wheelis, 2002** – *Wheelis M.* (2002). Biological Warfare at the 1346 Siege of Caffa. *Emerging Infectious Diseases Journal*. Vol. 8, № 9.
- Yuki et al., 2011** – *Yuki, H., Hough, L., Sageman, M., Danzig, R., etc.* (2011). *Aum Shinrikyo: Insights Into How Terrorists Develop Biological and Chemical Weapons*. Center for New American Security. July, P. 5, 68.

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
International Journal of Anti-terrorism Studies
Has been issued since 2016.
E-ISSN: 2454-0838
2019, 4(1): 25-37

DOI: 10.13187/ijats.2019.1.25

www.ejournal50.com

Terrorist Attacks in the Russian Federation

Aleksander Ksawery Olech ^{a, *}^a War Studies University, Warszawa, Poland

Abstract

The high level of terrorist threat to the security of the Russian Federation, which has been persisting for decades, is a process of many aspects. The conducted internal policy, involvement in armed conflicts in Ukraine and in Syria, the unstable situation in the Caucasus and the undertaken international co-operation have a significant impact on the activation of terrorist groups in Russia. Already in 2012, before the series of attacks in the French Republic, the on-going conflict in the North Caucasus was described as the most brutal in Europe. Since 2007, Russia has started to cope with international terrorism. What is even worse, it has undergone evolution, permanently destabilizing the internal security of the state. The recent attacks have been associated with the emergence of extremist groups from the Middle East, such as Al-Qaeda and the Islamic State, and their co-operation with rebels from the South and North Caucasus. International terrorist groups began their expansion into the whole territory of the Russian Federation, mobilizing the local government to undertake activities counteracting terrorism. Nowadays, the situation is slowly returning to normal, but new threats are still worth noting. The past experience and new threats of attacks urge us to re-analyse the current situation and define the goals of the anti-terrorist actions of the Russian Federation. This is also important in view of the consequences for other countries which are immediate neighbours of Russia, including possible terrorist consequences for Poland.

Keywords: Russia, terrorism, threats, Caucasus, Chechnya, Dagestan, ISIS, anti-terrorism.

1. Введение

В настоящее время террористическая угроза является главным вызовом для государств, организаций и граждан. Теракт сложно предвидеть, поскольку главная черта террористической деятельности – внезапность. Принято считать, что во всем мире уже нет государств, которых не затронула террористическая угроза. Это связано с повышенной активностью террористических организаций не только в Африке и на Ближнем Востоке, но и в Старом свете. Например, на протяжении последнего десятилетия терроризм получил значительное развитие в таких регионах, как Восточная Европа и Средняя Азия. На этих территориях начали действовать недавно образованные террористические группировки, усилился наплыв сторонников терроризма (ранее данный процесс наблюдался только в Ираке и Сирии), а также активизировались сепаратистские и националистические группировки, которые прежде участвовали в войнах. Результатом этой деятельности стала серия терактов в Российской Федерации в течение последнего десятилетия.

Последние несколько лет Россия активно борется с международным терроризмом, который постоянно эволюционирует, приводя к устойчивой дестабилизации внутренней

* Corresponding author

E-mail addresses: akolech@wp.pl (A. Ksawery Olech)

безопасности страны. Терракты в Российской Федерации в 2015-2018 гг. были связаны с появлением экстремистских группировок с Ближнего Востока, таких как Аль-Каида и Исламское Государство (Islamic State of Iraq and the Levant, Islamic State of Iraq and Syria, ISIL, ISIS), а также их взаимодействием с мятежниками с Южного и Северного Кавказа. Международные террористические группировки начали свою экспансию на всю территорию Российской Федерации, заставляя местные власти принимать решительные меры по борьбе с терроризмом. Это весьма существенно, принимая во внимание последствия для стран, непосредственно граничащих с Россией, в том числе возможные последствия террористического характера для Польши.

2. Материалы и методы

Цель статьи заключается в определении современных террористических угроз на территории России, значительно усилившихся вследствие активизации исламистских террористических организаций. На основе изученных материалов автор анализирует имевшие место ранее теракты, дает прогноз событий в сфере международной безопасности. Исследовательская гипотеза звучит следующим образом: на территории Российской Федерации постоянно сохраняется высокий уровень террористической угрозы. Вопрос, на который автор пытается ответить в данной работе, касается эволюции терроризма на территории Российской Федерации в 21 веке.

В своей работе автор не затрагивает причины чеченских войн, систему правления Владимира Путина ([Economist Intelligence Unit, 2019](#)), вопрос украинских и российских группировок, участвующих в вооруженном конфликте на Украине, а также ответные меры и военные действия, предпринимаемые Российской Федерацией в Кавказском регионе.

3. Обсуждение

Терроризм в Российской Федерации в XXI веке

В 2012 году, еще до серии терактов во Франции, незатухающий конфликт на Северном Кавказе считался самым жестоким на территории Европы. В столкновениях между силами Российской Федерации и террористами (по классификации правительства РФ) в этом регионе гибло от 700 до 800 человек в год ([Grabowski, 2017: 7](#)). По данным Global Terrorism Database, в 1991–2011 гг. (GTD Codebook) на территории Российской Федерации террористическими группами и группировками с Кавказа совершено около 1500 акций, подпадающих под определение террористические.

В отчете австралийского исследовательского центра Institute for Economics and Peace (IEP) – Global Terrorism Index – Measuring the Impact of Terrorism – обобщаются основные тенденции терроризма, изменяющиеся во времени и пространстве, методы терактов, уровень вовлеченности локальных и международных террористических организаций, а также приводится экономический и политический контекст. Отчет включает также сопоставление ряда социально-экономических показателей, определяющих ключевые факторы, связанные с функционированием терроризма и общественной безопасностью. Как следует из данных, представленных в отчете за 2014 год, Россия заняла 11 место в мире и 1 в Европе ([IEP, 2014: 8](#)) по степени влияния терроризма на функционирование государства, его стабильность и общественную безопасность. В 2015 году Российская Федерация была на 23 месте в мировом рейтинге и на 2 месте в Европе (1 место занимала Украина) ([IEP, 2015: 10](#)). В 2017 году она занимала 33 место в глобальном рейтинге и 3 место в Европе ([IEP, 2017: 8](#)). Эти данные однозначно указывают на снижение уровня безопасности в стране в связи с распространением терроризма. Это явный сигнал того, что потенциальные угрозы должны рассматриваться как реальные, исходя из их постоянного присутствия на территории Российской Федерации.

Таблица 1. Позиция России согласно Global Terrorism Index в 2014–2018 гг., показывающая функционирование государства в контексте развития терроризма

Global Terrorism Index/ Год	Место в Европе	Место в мире
2014	1	11
2015	2	23
2016	3	30
2017	3	33
2018	4	34

Источник: собственное исследование на основе IEP, Global Terrorism Index 2018 – Measuring the impact of terrorism, Sydney 2018. IEP, Global Terrorism Index 2016 – Measuring the impact of terrorism, Sydney 2016. IEP, Global Terrorism Index 2014 – Measuring the impact of terrorism, Sydney 2014.

Если рассматривать проблему в региональной перспективе, то в 2002–2017 гг. в регионе, классифицированном Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) как Евразия (в состав которого входят Афганистан, Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Монголия, Республика Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Украина и Узбекистан) (Supporting..., n.a.), и в России произошло 3 852 теракта, в результате которых погибло 2 430 человек. В то же самое время на Россию и Украину приходится 99 % всех смертей в результате терактов в данном регионе (IEP, 2018: 38). В Российской Федерации отмечается также самый быстрый в Европе и восьмой в мире рост числа смертельных случаев в результате терроризма, со средним числом 70 погибших в результате терактов в год (IEP, 2017: 18).

Современные террористические группы в Российской Федерации

Многие исследователи считают самой опасной террористической группой в истории России The Chechen Rebels (The Chechen Separatist Movement). В период с 1999 по 2013 гг. она была ответственна за большинство акций, классифицируемых как «теракты» на территории Российской Федерации (Sinai, 2015: 95-102). В настоящее время ее активность снизилась. Следующая террористическая организация была создана 31 октября 2007 года одним из лидеров северокавказских мятежников – Доку Умаровым. Он сложил с себя полномочия президента Чеченской Республики Ичкерия и создал Кавказский Эмират (Caucasus Emirate) – исламистское квазигосударство, до настоящего времени являющееся базовой организационной структурой для северокавказских террористов (International Crisis Group, 2012). По мнению экспертов, процесс создания террористических структур начался уже в 1999 году. Джамааты¹, функционирующие в Дагестане (джамаат Шариат), Кабардино-Балкарии, Ингушетии (джамаат Халифат, джамаат Талибан), Карачаево-Черкесии и Северной Осетии были группировками, позднее преобразованными в Кавказский Эмират (Grabowski, 2017: 159). В декабре 2009 года Верховный Суд России вынес постановление о запрете деятельности Кавказского Эмирата, причислив его к террористическим группам (Vatchagayev, 2015a). Третьей из числа наиболее опасных в то время организаций является образованный в июне 2015 года Вилаят Кавказ (Islamic State of Iraq and the Levant – Caucasus Province) (IEP, 2017), который возглавил Рустам Асельдеров (Designations..., 2015). Многие из вождей джамаатов присягнули на верность новой организации, благодаря чему в Исламское государство влилось значительное число сторонников Кавказского Эмирата (Vatchagayev, 2015b, 2015c). По оценкам, к войне в Сирии против России подключилось около 2800 боевиков из Чечни, Дагестана, Ингушетии и Кабардино-Балкарии, а также из среднеазиатских республик, таких как Азербайджан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан (Hanoush, 2016). В настоящее время Федеральная служба безопасности России

¹ Объединение группы мусульман с целью совместного изучения ислама. Термин может относиться к мечети, университету или организации.

(ФСБ), согласно законодательству Российской Федерации, причисляет к террористическим 30 организаций¹ национального, международного и зарубежного характера ([Федеральная служба безопасности Российской Федерации, 2019](#)).

В 2015 году угроза терроризма в России значительно усилилась. Не только со стороны чеченцев-дагестанцев и прочих организаций, сражающихся за независимость, но также и со стороны Исламского Государства. Когда Россия в сентябре 2015 года начала военную операцию против повстанцев в Сирии, это сразу же получило ответную реакцию со стороны фракции Аль-Каиды – организации Джебхат ан-Нусра (Фронт помощи жителям Леванта, также Фронт ан-Нусра в Сирии) ([Beslin, Ignjatijevic, 2017: 1-2](#)). Главарь террористической группы Абу Мухаммад аль-Джулани призвал тогда к проведению ответных нападения на российских граждан, находящихся в Сирии ([Joscelyn, 2015a](#)). Реакция сторонников-террористов была практически молниеносной и уже 13 октября 2015 года две ракеты ударили в посольство России в Дамаске ([Moscow Responds..., 2015](#)). Тем самым террористические группировки, функционирующие ранее в Африке и на Ближнем Востоке, начали усиленные действия против Российской Федерации.

В 2017 году в России и в регионе Евразии появились две очередные опасные группы. Первой из них была Кавказская Провинция Исламского Государства (Islamic State of Iraq and the Levant – Caucasus Province), ответственная за первое нападение на российскую военную базу в южном Дагестане, имевшее место 2 сентября 2015 года ([Joscelyn, 2015b](#)). В опубликованном в соцсетях видеоролике Абу Мухаммад аль-Аднани аль-Шами² призвал сторонников ISIL (ISIS) на Кавказе присоединиться к боям на территории России, заявив, что это будет более эффективным, чем приезд на Ближний Восток с целью поддержки террористов в Ираке и Сирии ([Paraszcuk, 2015](#)). Это было определенного рода новшество, которое без сомнения усиливало возможности террористов и в то же самое время позволяло проводить эффективную удаленную вербовку сторонников, призывая их к совершению терактов в стране проживания. Второй группой был филиал Аль-Каиды – Катибат Имам Шамиль (Imam Shamil Battalion), называющий себя «Рыцарями Ислама» ([Joscelyn, 2017](#)). Батальон взял на себя ответственность за теракт, совершенный террористом-смертником 3 апреля 2017 года в метро города Санкт-Петербурга, на перегоне между станциями Сенная Площадь и Технологический институт, в результате которого погибло 15 человек, а 45 получили ранения. Вторая бомба была обнаружена на другой станции метро и обезврежена, прежде чем она успела взорваться. В связи с этим терактом российские власти задержали 11 человек, подтвердив, что они были выходцами из Средней Азии ([A Year After..., 2018](#)). Обе группы в 2017 году совершили страшнейшие теракты в своей истории, что указывает на усиленное присутствие терроризма, связанного с исламистами, в России и в регионе Евразия ([IEP, 2018: 60-61](#)).

Таблица 2. Место в рейтинге согласно Global Terrorism Index в 2014 – 2018 гг., представляющее функционирование государств в регионе России и Азии в контексте развития терроризма

Государство	Место в мире в 2002–2016 гг.	Место в мире в 2017 г.
Украина	17.	21.
<u>Россия</u>	33.	34.
Таджикистан	72.	74.
Казахстан	67.	75.
Кыргызстан	79.	80.

¹ По состоянию на 14 марта 2019 года.

² Был официальным лидером Исламского Государства (ISIS).

Армения	75.	83.
Грузия	77.	89.
Азербайджан	95.	98.
Молдова	107.	116.
Узбекистан	123.	132.
Беларусь	128.	138.
Туркменистан	134.	138.

Источник: Собственное исследование на основе IEP, Global Terrorism Index 2017 - Measuring and understanding the impact of terrorism, Sydney 2017, p. 48.

Что касается иностранных боевиков в Сирии, большая часть из них – это выходцы из России, Туниса, Иордании, Саудовской Аравии и Турции. По статистическим данным, целых 5000 новобранцев были гражданами Российской Федерации. Благодаря близости Турции и Сирии, что облегчает усиленную миграцию, русскоязычными террористами преимущественно являются выходцы из Чечни и Дагестана (IEP, 2018: 82-84). Стоит обратить внимание на то, что в 2015 году российские граждане составляли около восьми процентов всех боевиков, сражающихся за ИГИЛ. Русский язык, в свою очередь, был третьим по популярности в Исламском Государстве, сразу после арабского и английского. Это также указывает на тот факт, что русский стал одним из основных языков международной коммуникации между террористами. Главная причина заключается в повышенной активности экстремистских организаций на территории России и в соседствующих с ней странах.

Последние теракты в Российской Федерации

Теракты в новейшей истории России не отличаются от совершаемых на территории Франции, Бельгии или Великобритании. Их специфика и способ действия остаются неизменными. Отличается только мотивация и территория деятельности террористов. Многие из террористов, сражавшихся ранее за независимость в кавказском регионе, сейчас решились расширить свою деятельность на всю территорию Российской Федерации. Это главным образом сепаратисты из северного Кавказа (называемого также Предкавказьем). Многие из этих мятежников обратили свою длительную кампанию террора против России в поддержку Исламского Государства.

В 2015 году центром борьбы террористов с Россией стал мусульманский Дагестан, где было совершено несколько десятков терактов. Изначально большая часть подстрекаемых Исламским Государством терактов была направлена против российских сил безопасности. Помимо нападений на полицию, обстрела гостиниц и церквей, ИГИЛ неустанно рассылало сообщения и публиковало заявления на Интернет-сайтах с призывом постоянного терроризирования России. Террористы также использовали Интернет, чтобы брать на себя ответственность за конкретные теракты. В то же самое время организация повторно призвала всех сторонников Исламского государства к совершению самостоятельных терактов на территории Российской Федерации.

За последние пару лет в Российской Федерации было совершено несколько значительных терактов, повлиявших как на отношение к терроризму, так и на способ борьбы с ним. Их масштаб, а также число потерпевших в результате этих ужасных терактов способствовали незамедлительной и решительной реакции в целях борьбы с террористической угрозой в стране. Масштаб потерь, равно как и способ совершения терактов стали основой для повторного анализа антитеррористической системы в России.

24 января 2011 года в 16:30 произошел взрыв в международном аэропорту Домодедово, расположенном в 42 километрах на юго-восток от центра Москвы. На тот момент это был крупнейший аэропорт в России, принимающий более 20 миллионов пассажиров в год (в настоящее время эта цифра выросла до 30 миллионов, но первое место в стране занимает Шереметьево, где пассажиропоток составляет около 40 миллионов человек в год) (Moscow Domodedovo..., 2018). 8 февраля 2011 года ответственность за этот теракт взяла на себя

террористическая организация Кавказский Эмират (Kavkazskiy Emirat)¹ в видеоролике, размещенном в Интернете ее лидером Доку Умаровым ([Chechen warlord..., 2011](#)). Террорист-смертник Магомед Евлоев совершил взрыв в зале ожидания. В результате теракта погибло 37 человек ([Russia jails..., 2013](#)), а 173 получили ранения ([Amos, 2015](#)). Следственный комитет Российской Федерации (Sledstvennyi komitet), через год после теракта в аэропорту Домодедово установил, что теракт был совершен группой Кавказский Эмират. Годом позднее было осуждено 17 участников этой террористической организации. В конечном итоге в 2013 году Окружной Суд в Москве приговорил Ислама и Илеза Яндиевых, а также Башира Камкоева к пожизненному заключению за обеспечение террориста взрывными материалами, помощь в приезде с Северного Кавказа и организацию его размещения в Москве. К 10 годам лишения свободы был приговорен брат террориста-смертника – Ахмед Евлоев ([Roth, 2013](#)). В общей сложности в 1992-2011 гг. террористы с Северного Кавказа совершили 749 взрывов ([Grabowski, 2017: 261](#)).

29 декабря 2013 года террорист-смертник взорвал себя на железнодорожной станции Волгоград-1 в городе Волгограде, центре одноименной области, расположенном в южной России. В результате теракта погибло 18 человек (в том числе двое террористов) и как минимум 44 были ранены. Теракт произошел около 12:45 по московскому времени. В бомбе содержался эквивалент 10 килограммов тротила. Теракт был совершен террористической организацией из Дагестана. Два месяца ранее в Волгограде были взорваны бомбы в двух автобусах ([Karpov, 2013](#)).

В октябре 2015 года российский самолет, следующий из Шарм эль-Шейха в Египте в Петербург разбился в районе Северный Синай. Российские власти установили, что причиной взрыва стало взрывное устройство на борту самолета. В результате теракта погибли все пассажиры, находящиеся в самолете ([No survivors..., 2015](#)). Metrojet Flight 9268 был международным чартерным рейсом, который обслуживался российскими авиакомпаниями Когалымавиа (под маркой Metrojet). 31 октября 2015 года в 6:13 по местному времени Airbus A321-231, обслуживающий этот рейс, был уничтожен в результате взрыва бомбы вскоре после его вылета из международного аэропорта в Шарм эль-Шейхе по пути в аэропорт Пулково в России. Общее число погибших составило 224 человека, среди которых было 212 граждан России (7 членов экипажа), 4 гражданина Украины и один пассажир из Беларуси ([Mullen et al., 2015](#)). Теракт был подготовлен террористической организацией ИГИЛ ([Mohyeldin et al., 2015](#)), взявшей на себя ответственность за него ([Dearden, 2015](#)).

3 апреля 2017 года был совершен теракт с применением взрывных материалов в метро Санкт-Петербурга на перегоне между станциями Сенная площадь и Технологический институт. В результате этого инцидента погибло 15 человек (включая террориста) и как минимум 50 получили ранения ([Death Toll..., 2017](#)). Взрывчатка находилась в портфеле, который нес террорист Акбаржон Ялилов, гражданин России, выходец из Кыргызстана ([11 killed..., 2017](#)). В тот же день Петербург посетил президент России Владимир Путин ([Griffin, 2017](#)).

27 декабря 2017 года в супермаркете в Петербурге взорвалась бомба, в результате чего пострадало 13 человек. Это была самодельная бомба, подложенная в одну из ячеек камеры хранения магазина. Ни одна из террористических групп не взяла на себя ответственность за этот теракт. Владимир Путин назвал этот взрыв терактом ([Ellyatt, 2017](#)). Важно то, что из соображений международной безопасности и Дональд Трамп, и Владимир Путин признали, что борьба с терроризмом может стать общей платформой для налаживания напряженных отношений между Россией и Соединенными Штатами ([Roth, 2017](#)).

Антитеррористическое законодательство в Российской Федерации

К числу крупнейших терактов в Российской Федерации на рубеже XX и XXI веков, заставивших власть усовершенствовать антитеррористическую систему и создать правовую базу относятся: теракты в Буденновске (1995 г.), Владикавказе (1999 г.), в Москве на Дубровке (2002), а также первый теракт в московском метро (2002 г.) Уже в конце 90-х гг. XX века по инициативе России был создан Антитеррористический Центр Содружества

¹ Джихадистская организация, действующая в юго-западном регионе Российской Федерации. Ее цель заключалась в прекращении российского присутствия на северном Кавказе и установлении независимого исламского эмирата в регионе.

Независимых Государств. Его главной задачей было создание правовых инструментов, делающих возможным международное (в рамках СНГ) сотрудничество по борьбе с терроризмом. Следует отметить, что именно Российская Федерация была инициатором создания Региональной антитеррористической структуры (RATS) в рамках Шанхайской организации сотрудничества¹ (Shanghai Cooperation Organization, SOW). Она была создана на саммите, проходившем в г. Ташкенте, Узбекистан, 16–17 июня 2004 года. 21 апреля 2006 года SCO объявила о своих планах по уничтожению трансграничной преступности и борьбе с терроризмом (Xiaodong, 2012).

Первый закон, регулирующий борьбу с терроризмом на территории Российской Федерации, действовал в 1998–2006 гг. Он включал правовые и организационные основы борьбы с терроризмом. В 2006 году, ввиду усиленной активности террористических групп и развитие ситуации на Кавказе, был принят закон о противодействии терроризму. Правовой акт вступил в силу 6 марта 2006 года. В редакции, вступившей в силу 5 мая 2014 года, было дано новое определение террористического акта: «террористический акт - совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» (Кај, 2016: 205).

Важно то, что российский законодатель указывает, что в целях противодействия терроризму допускается применение Вооруженных Сил Российской Федерации. Это может быть сопряжено с пресечением полета воздушного судна, действиями во внутренних водах, в территориальном море Российской Федерации, а также в открытом море в целях обеспечения безопасности национального морского судоходства, участием в проведении контртеррористической операции, пресечения международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации либо оказания помощи войскам, дислоцированным в регионах с высокой террористической угрозой (Кај, 2016: 214-216).

Более того, российское антитеррористическое законодательство постоянно ужесточается. В 2016 году вступил в силу новый закон – «Закон Яровой», устанавливающий более строгий надзор ФСБ над данными, уголовную ответственность за несообщение о планируемом преступлении террористического характера, а также тюремные сроки (даже для лиц в возрасте 14 лет) за экстремизм, терроризм и участие в массовых беспорядках. Поправки Яровой вводят также запрет на миссионерскую деятельность, моления и распространение религиозных материалов вне «специально отведенных мест», таких как официально признанные религиозные учреждения. Эти определения настолько расплывчаты, что многие из них дают большой простор для интерпретаций (Lokshina, 2016). Российские службы могут арестовать любого человека, подозреваемого в террористической деятельности (Mazurova, 2016: 4).

Необычайно важным в процессе исследования угроз является установление того, что считается терроризмом в России. Согласно российскому определению, терроризмом считаются угрозы в отношении лиц и организаций либо применение в их отношении насилия путем уничтожения (равно как и повреждения) имущества, объектов, а также действий, которые могут привести к смерти. Правительство России установило также, что такие группы, как ХАМАС (Hamas) и Хезболла (Hezbollah), не являются террористическими организациями, поскольку они:

- не ведут деятельность, направленную на изменение конституционного строя государства посредством применения террористических методов,
- не связаны с экстремистскими группами с Северного Кавказа (Wojciechowski, 2009: 56-57).

Очень важным аспектом в антитеррористических операциях, проводимых Российской Федерацией против террористических групп, является полученный ранее опыт участия в

¹ Региональная международная организация, созданная 15 июня 2001 года, целью которой является усиление региональной безопасности в Азии посредством многоуровневого сотрудничества, главным образом России и Китая. В ее состав входят: Китай, Индия, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Россия, Таджикистан и Узбекистан.

военных действиях во время вооруженных конфликтов. Россия уже ранее была вовлечена в противодействие терроризму, который в наше время считается религиозным (исламистским). Изначально Российская Федерация подверглась ряду нападений со стороны сепаратистов (которые были классифицированы как террористы) в охваченном войной северном регионе Кавказа. Это было во время подавления вооруженных восстаний за независимость Чечни в 1994–1996 и 1999–2007 гг., а затем в 2008–2015 гг. в ходе подавления многоэтнической повстанческой группировки джихада Кавказского Эмирата (это должно было быть государство, в состав которого, помимо Чечни, должны были войти Дагестан, Ингушетия, Осетия, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия) (Williams, 2016). Кавказский Эмират был признан террористической организацией Соединенными Штатами и Российской Федерацией.

Рассматривая развитие антитеррористической системы в России, следует принять во внимание также причины ее возникновения. До сегодняшнего дня вызывает разногласия тот факт, что не был точно установлен ход теракта в школе в Беслане в 2004 году. Этого требовали некоторые власти, семьи жертв, а также независимые эксперты. Следствие, которое ведет генпрокуратура, по-прежнему остается открытым. В 2009 году в российской прессе появилась информация о том, что теракт был подготовлен российскими службами безопасности, в то же самое время был обнародован список связей спецслужб с террористами. Указывалось, что главным мотивом российских властей было стремление к расширению полномочий спецслужб и желание усиления военного контроля в регионе. Обоснованные сомнения вызывает также тот факт, что до начала терактов были задержаны как минимум 11 террористов, у которых сняли отпечатки пальцев, а затем отпустили. Невыясненным остается вопрос, как добрались до школы в Беслане 32 террориста, поскольку во время передвижения из Ингушетии на территорию Северной Осетии они были остановлены только одним милицейским патрулем (который был обезврежен террористами), а ведь это был регион, находящийся под особой охраной (Grabowski, 2017: 300–306). В истории России больше не было столь широкомасштабных терактов (Grabowski, 2017: 312).

Кроме того, что также имеет значение с точки зрения предпринимаемых Россией антитеррористических действий, международная атмосфера после терактов 11 сентября 2001 года в Соединенных Штатах помогла Российской Федерации добиться тактического сближения с Западом (в рамках совместного противодействия терроризму), а также оправдала в глазах мирового сообщества решительные действия на Кавказе (Souleimanov, Dirtych, 2008: 1202).

4. Результаты

Террористические угрозы в Российской Федерации

Существует опасность, что террористические ячейки, состоящие из повстанцев-джихадистов, оставшихся в охваченном войной регионе северного Кавказа, особенно в Дагестане и Чечне, попытаются совершить террористические акты во всей России. В настоящее время наиболее активной группой остается дагестанский филиал так называемого Исламского Государства. Ввиду постоянных военных действий в Сирии, а также нестабилизированной ситуации на юге страны, Российская Федерация должна оперативно отслеживать меняющиеся тенденции и напряжения в регионах военных конфликтов.

Потенциальная угроза со стороны «одиноких волков» или «самозванных террористов», которые приехали в Россию и решили поддерживать террористические организации, в настоящее время может стать самым большим вызовом для российского правительства. Это связано с массовыми выездами российских граждан на Ближний Восток, их вербовкой и последующим возвращением в Россию и совершением ими действий террористического характера. Точное число таких лиц неизвестно, но службы безопасности Российской Федерации отдают себе отчет в том, какую опасность может представлять индивидуальная террористическая деятельность на территории страны. В этом аспекте ключевое значение имеет определение того, как (с помощью каких средств и инструментов) и где может быть совершен теракт. Одним из главных способов общения террористов и обсуждения конкретных целей являются социальные сети и игровые платформы. Там размещаются как обучающие материалы, так и мотивирующие и мобилизующие к совершению терактов.

Благодаря этому завербованные террористы имеют постоянный контакт со своим лидером в Африке или на Ближнем Востоке. Поэтому верификация всех улик и источников требует постоянного участия российских служб безопасности. Российское правительство также принимает во внимание подобную угрозу, являющуюся следствием постоянной миграции и развития кибертерроризма (Williams, Souza, 2018: 6).

Другой угрозой будет так называемый *home grown terrorism* – терроризм, которым занимаются лица, имеющие гражданство, семьи и бизнес в стране, где совершаются теракты (Adamska-Rekawek, 2016: 10). Прекрасным примером, иллюстрирующим суть этого понятия, был теракт 23 марта 2018 года в населенном пункте Carcassonne во Франции, когда террорист убил 4 человек и серьезно ранил 15 (Mareschal, Piquet, 2018). Он был гражданином Франции и постоянно проживал на ее территории (Attaques..., 2018). Определяющим фактором в подобного рода действиях являются мотивации и идеи террористов, которые ввиду динамичных политико-экономических изменений постоянно модифицируются. В наши дни доминирует религиозный фанатизм, который является основой большей части действий граждан-террористов. В контексте ситуации в России существует опасность того, что «одинокое волки» – скорее всего, русские, принявшие ислам, ставшие крайне радикальными под воздействием интернет-обращений Исламского государства (как те, что недавно вдохновили российских исламистских экстремистов на совершение террористических актов) – ответят на последние призывы Исламского Государства и станут «солдатами халифата».

Несмотря на то, что число жертв боев на северном Кавказе сократилось на протяжении последних пяти лет, по-прежнему происходят нападения и столкновения между группами мятежников и российскими силами в Дагестане, Чечне, Ингушетии и Кабардино-Балкарии. Российское правительство осознает, что эскалация насилия и конфликтов на северном Кавказе может привести к росту террористической угрозы. Поэтому российские антитеррористические отряды постоянно ведут действия в этих регионах, оперативно отслеживая возникающие угрозы.

Существенно и то, что для политиков из кавказских автономных республик может быть в определенной степени важно сохранение реального уровня террористической угрозы, поскольку в переговорах с российским правительством это является существенным аргументом в пользу увеличения финансирования. Финансовая помощь, а следовательно усиленная во много раз поддержка из Москвы, была особенно заметна во время терактов, которые имели место в Ингушетии и Дагестане (Grabowski, 2017: 395-396).

С начала 2017 года российские силы безопасности проводят профилактические мероприятия в крупнейших городах страны, в том числе в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде и Ставрополе. Они направлены на охрану общественного транспорта, мест значительного скопления населения и проведения массовых мероприятий. Это сопровождается патрулированием улиц силами полиции и солдат, а также выделением зон усиленного контроля, позволяющих поддерживать безопасность в критических районах городов. Важным элементом является также пограничный контроль и международное сотрудничество. Прежний опыт террористических актов на территории России, а также повторяющиеся угрозы террористов, вне всякого сомнения, являются основанием для усиления охраны. Это вызвано главным образом тем, что такие террористические организации, как Аль-Каида и ИГИЛ, по-прежнему призывают в своих обращениях к совершению терактов на территории России, склоняя вступить в группы посредством индивидуальных терактов.

В 2018 году российские службы предотвратили 6 терактов. Два из них должны быть совершены в день президентских выборов, т.е. 18 марта. В общей сложности было задержано 189 подозреваемых и пресечена деятельность 12 террористических ячеек. В 2017 году российские службы безопасности предотвратили 18 терактов, из которых один должен был быть совершен 1 сентября, а другой – 31 декабря. По информации, предоставленной Национальным Антитеррористическим Комитетом в Москве, террористами были, главным образом, выходцы из Ингушетии, Дагестана, а также Исламского Государства (Russia Prevented..., 2018).

5. Заключение

Терроризм как постоянно повторяющееся явление постоянно эволюционирует. Его изменения и регулярность невозможно предвидеть, принимая во внимание целый ряд субъектов, воздействующих друг на друга. Необычайно сложно определить вид терроризма, существующего в Российской Федерации. Ранее он был ближе всего к понятию сепаратистского терроризма, определяемого также как прометейский или народно-освободительный (Grotowicz, 2000: 308-312). Начиная с 2017 года, когда на территории России активизировались исламские группы, мы имеем дело с религиозным терроризмом (Lia, 2005: 165-170).

Несмотря на активность террористических организаций на территории России, нельзя сказать, что они полностью направлены на джихадистскую деятельность, как это происходит во Франции (Olech, 2018: 65-73). В настоящее время мусульмане составляют около 10 % населения Российской Федерации, но большая часть из них - выходцы из региона Евразии (Religious..., 2012). Приверженцы Аллаха (особенно в Москве) воспринимаются как ассимилировавшиеся, говорящие на русском языке и соблюдающие морально-этические нормы (Mamok, 2010: 93-95).

Правительство Российской Федерации осознает возникающие угрозы и последствия, с которыми оно может столкнуться в результате очередных терактов. Прежний опыт и новые угрозы склоняют к повторному анализу текущих условий и определения целей антитеррористических мероприятий. По-прежнему важно то, что угроза является общеизвестной, а террористы не скрывают того, что намерены совершить очередные террористические акты против Российской Федерации (Putin..., 2019).

References

- 11 killed..., 2017 – 11 killed, over 50 injured in St. Petersburg Metro blast (2017). Russia Today, 04/04/2017. [Electronic resource]. URL: <https://www.rt.com/news/383202-st-petersburg-blast-metro/>
- A Year After..., 2018 – A Year After St. Petersburg Subway Blast, Russia Says Probe Almost Finished (2018). Radio Free Europe Radio Liberty, 03/04/2018. [Electronic resource]. URL: <https://www.rferl.org/a/russia-peterburg-subway-bombing-probe-almost-finished/29141942.html>
- Adamska-Rękawek, 2016 – Adamska-Rękawek P. (2016). Teroryzm islamski w Europie. Islamofobia czy integracja? P. Sienkiewicz, P. Dela (Ed.). Metodologia badań bezpieczeństwa narodowego. T. VIII (10–21). Warszawa: Akademia Obrony Narodowej.
- Amos, 2015 – Amos H. (2015). Investigators Turn on Moscow's Domodedovo Airport. The Moscow Times, 8/06/2015. [Electronic resource]. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2015/06/08/investigators-turn-on-moscows-domodedovo-airport-a47237>
- Attaques..., 2018 – Attaques dans l'Aude: Radouane Lakdim était fiché S depuis 2014. (2018) Le Figaro, 23/03/2018. [Electronic resource]. URL: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2018/03/23/01016-20180323ARTFIG00222-qui-etait-redouane-lakdim-le-terroriste-presume-des-attaques-dans-l-aude.php>
- Beslin, Ignjatijevic, 2017 – Beslin J., Ignjatijevic M. (2017). Balkan foreign fighters: from Syria to Ukraine, European Union Institute for Security Studies. *Brief – Issue*. (20): 1-4.
- Chechen warlord..., 2011 – Chechen warlord Doku Umarov admits Moscow airport bomb. (2011). BBC News, 08/02/2011. [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-12388681>
- Dearden, 2015 – Dearden L. (2015). Egyptian plane crash: Isis claims militants downed Metrojet flight but officials find no evidence of attack. The Independent, 31/10/2015. [Electronic resource]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/africa/egyptian-plane-crash-isis-claims-militants-downed-metrojet-flight-but-officials-find-no-evidence-of-a6716241.html>
- Death Toll..., 2017 – Death Toll in St. Petersburg Terror Attack Rises to 15. (2017). The Moscow Times 12/04/2017. [Electronic resource]. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2017/04/12/death-toll-in-st-petersburg-terror-attack-rises-to-15-a57707>
- Designations..., 2015 – Designations of Foreign Terrorist Fighters. (2015). U.S. State Department, 29/09/2015. [Electronic resource]. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/09/247433.htm>

Ellyatt, 2017 – *Ellyatt H.* (2017). Putin says St Petersburg supermarket bombing was an act of terrorism. CNBC, 28/12/2017. [Electronic resource]. URL: <https://www.cnbc.com/2017/12/28/putin-says-st-petersburg-supermarket-bombing-was-an-act-of-terrorism.html>

Federal'naya sluzhba..., 2019 – Federal'naya sluzhba bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii. (2019). Edinyi federal'nyi spisok organizatsii, v tom chisle inostrannykh i mezhdunarodnykh organizatsii, priznannykh v sootvetstvi s zakonodatel'stvom Rossiiskoi Federatsii terroristicheskimi [Federal Security Service of the Russian Federation. (2019). Unified federal list of organizations, including foreign and international organizations recognized as terrorist in accordance with the legislation of the Russian Federation]. [Electronic resource]. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> [in Russian]

Grabowski, 2017 – *Grabowski T.W.* (2017). Terroryzm Północnokaukaski – źródła, przejawy i przeciwdziałanie zjawisku. Kraków: Ignatianum.

Griffin, 2017 – *Griffin A.* (2017). St Petersburg attacks: Isis celebrates explosions that killed 10 people. The Independent, 03/04/2017. [Electronic resource]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/st-petersburg-attacks-isis-russia-bombings-celebrate-islamic-state-response-a7664656.html>

Grotowicz, 2000 – *Grotowicz V.* (2000). Terroryzm w Europie Zachodniej, Warszawa – Wrocław: PWN.

Hanoush, 2016 – *Hanoush F.* (2016). Fighters from the Caucasus Join ISIS to Fight Russia. Atlantic Council, 14/09/2016. [Electronic resource]. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/syriasource/fighters-from-the-caucasus-join-isis-to-fight-russia>

IEP, 2014 – Institute for Economics & Peace. (2014). Global Terrorism Index 2014 – Measuring and Understanding the Impact of Terrorism. Sydney: Institute for Economics & Peace.

IEP, 2015 – Institute for Economics & Peace. (2015). Global Terrorism Index 2015 – Measuring and Understanding the Impact of Terrorism. Sydney: Institute for Economics & Peace.

IEP, 2017 – Institute for Economics & Peace. (2017). Global Terrorism Index 2017 – Measuring and understanding the impact of terrorism, Sydney: Institute for Economics & Peace.

IEP, 2018 – Institute for Economics & Peace. (2018). Global Terrorism Index 2018 – Measuring the impact of terrorism. Sydney: Institute for Economics & Peace.

International Crisis Group, 2012 – International Crisis Group. (2012). The North Caucasus: The Challenges of Integration (II), Islam, the Insurgency and Counter-Insurgency. *Europe Report*. 19/10/2012. 221: 1-40. [Electronic resource]. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/221-the-north-caucasus-the-challenges-of-integration-ii-islam-the-insurgency-and-counter-insurgency.pdf>

Joscelyn, 2015a – *Joscelyn T.* (2015). Head of al Qaeda's Syrian branch threatens Russia in audio message. FDD's Long War Journal, 13/10/2015. [Electronic resource]. URL: <https://www.longwarjournal.org/archives/2015/10/head-of-al-qaedas-syrian-branch-threatens-russia-in-audio-message.php>

Joscelyn, 2015b – *Joscelyn T.* (2015). Islamic State's Caucasus 'province' claims first official attack on Russian forces. FDD's Long War Journal, 02/09/2015. [Electronic resource]. URL: <http://www.derechos.org/peace/russia/doc/cauc30.html>

Joscelyn, 2017 – *Joscelyn T.* (2017). Islamic State claims its men planted bomb at St. Petersburg supermarket. FDD's Long War Journal, 29/12/2017. [Electronic resource]. URL: <https://www.longwarjournal.org/archives/2017/12/islamic-state-claims-its-men-planted-bomb-at-st-petersburg-supermarket.php>

Karpov, 2013 – *Karpov S.* (2013). Suicide bomber kills at least 16 at Russian train station. Reuters, 29/12/2013. [Electronic resource]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-russia-blast/suicide-bomber-kills-at-least-16-at-russian-train-station-idUSBRE9BS02S20131229>

Lia, 2005 – *Lia B.* (2005). Globalisation and the Future of Terrorism. Patterns and Predictions, London: Routledge.

Lokshina, 2016 – *Lokshina T.* (2016). Draconian Law Rammed Through Russian Parliament. Human Rights Watch, 23/06/2016. [Electronic resource]. URL: <https://www.hrw.org/news/2016/06/23/draconian-law-rammed-through-russian-parliament>

Mamok, 2010 – *Mamok R.* (2010). Islam w Federacji Rosyjskiej. *Pisma Humanistyczne*. (7): 81-95.

Mareschal, Piquet, 2018 – *Mareschal E., Piquet C.* (2018). Attaques dans l'Aude : une proche du suspect placée en garde à vue, *Le Figaro*, 24/03/2018. [Electronic resource]. URL: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2018/03/23/01016-20180323LIVWWW00116-en-direct-aude-prise-d-otage-pres-de-carcassonne-des-crs-pris-pour-cible.php>

Mazurova, 2016 – *Mazurova N.* (2016). Russia's Response to Terrorism History and Implications for U.S. Policy. American Security Project, October 2016.

Mohyeldin et al., 2015 – *Mohyeldin A., Eremenko A., Smith A.* (2015). Metrojet Crash: Egypt Detains Airport Workers, \$50M Reward Offered. NBC News, 18/11/2015. [Electronic resource]. URL: <https://www.nbcnews.com/storyline/russian-plane-crashes-in-the-sinai/metrojet-crash-egypt-detains-airport-workers-50m-reward-offered-n464676>

Moscow Domodedovo..., 2018 – Moscow Domodedovo Airport suffers traffic dip but prepares for growth. (2018). Centre for Aviation, 06/09/2018. [Electronic resource]. URL: <https://centreforaviation.com/analysis/reports/moscow-domodedovo-airport-suffers-traffic-dip-but-prepares-for-growth-433580>

Moscow Responds..., 2015 – Moscow Responds to Shelling of Russian Embassy in Syria. (13/10/2015). [Electronic resource]. URL: <https://www.telesurenglish.net/news/UPDATE-Moscow-Responds-to-Shelling-of-Russian-Embassy-in-Syria-20151013-0008.html>

Mullen et al., 2015 – *Mullen J., Cullinane S., Shoichet C.* (2015). Russian plane crash in Egypt: It's too early to determine cause, officials say. CNN, 03/11/2015. [Electronic resource]. URL: <https://edition.cnn.com/2015/11/02/africa/russian-plane-crash-egypt-sinai/>

No survivors..., 2015 – No survivors in 'tragic scene': A Russian Airliner crashes into Sinai killing all 224 people on board. (2015). South China Morning Post, 31/10/2015. [Electronic resource]. URL: <https://www.scmp.com/news/world/article/1874381/russian-airliner-crashes-egypts-sinai-peninsula-carrying-224-people>

Olech, 2018 – *Olech A.K.* (2018). Nowa ustawa antyterrorystyczna w Republice Francuskiej. *Wiedza Obronna*. XLV(1–2): 65–73.

Paraszczyk, 2015 – *Paraszczyk J.* (2015). IS's North Caucasus Affiliate Calls For Recruits To Join It In Daghestan, Radio Free Europe Radio Liberty, 01/10/2015. [Electronic resource]. URL: <https://www.rferl.org/a/islamic-state-north-caucasus-affiliate-call-for-recruits-daghestan/27285024.html>

Putin calls ..., 2019 – Putin calls for new tactics to fight terrorism. (2019). TASS – Russian News Agency, 06/03/2019. [Electronic resource]. URL: <http://tass.com/politics/1047664>

Religious Composition..., 2012 – Religious Composition by Country. (2012). The Pew Research Center, 18/12/2012. [Electronic resource]. URL: <http://www.pewforum.org/2012/12/18/table-religious-composition-by-country-in-percentages>

Roth, 2013 – *Roth A.* (2013). Russia: Four Are Sentenced for Airport Attack. *The New York Times*, 11/11/2013. [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2013/11/12/world/europe/russia-four-are-sentenced-for-airport-attack.html>

Roth, 2017 – *Roth A.* (2017). Bomb in St. Petersburg supermarket that injured 10 was attempted murder, police say. *The Washington Post*, 12/12/2017. [Electronic resource]. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/bomb-in-st-petersburg-supermarket-that-injured-10-was-attempted-murder-police-say/2017/12/27/57ef2b28-eb2c-11e7-956e-baea358f9725_story.html?utm_term=.9ece8f974c34

Russia jails..., 2013 – Russia jails four over 2011 Domodedovo airport bombing. (2013). BBC News., 11/11/2013. [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-24896447>

Russia Prevented..., 2018 – Russia Prevented 6 Terrorist Attacks in 2018, FSB Chief Claims. (2018). *The Moscow Times*, 10/04/2018. [Electronic resource]. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2018/04/10/russia-prevented-6-terrorist-attacks-2018-fsb-chief-claims-a61107>

Sinai, 2015 – *Sinai J.* (2015). The Terrorist Threats Against Russia and its Counterterrorism Response Measures. *Connections*. 14(4): 95–102.

Souleimanov, Dirtych, 2008 – *Souleimanov E., Dirtych O.* (2008). The internationalization of Russian-Chechen Conflict: Myth and Reality. *Europa-Asia Studies*. 60(7): 1199–1222.

Supporting..., n.a. – Supporting Eurasia countries in their reform efforts. Organisation for Economic Co-operation and Development. [Electronic resource]. URL: <https://www.oecd.org/eurasia/countries>

- [The Economist Intelligence...](#), 2019 - The Economist Intelligence Unit Limited (2019). Democracy Index 2018. [Electronic resource]. URL: <https://www.eiu.com/topic/democracy-index>
- [Vatchagaev, 2015a](#) – Vatchagaev M. (2015). Caucasus Emirate and Islamic State Split Slows Militant Activities in North Caucasus. *Eurasia Daily Monitor*, 12(29), 14/02/2015. [Electronic resource]. URL: <https://jamestown.org/program/caucasus-emirate-and-islamic-state-split-slows-militant-activities-in-north-caucasus-2/#.VOKW5vmUe4Y>
- [Vatchagaev, 2015b](#) – Vatchagaev M. (2015). What Caused the Demise of the Caucasus Emirate? *Eurasia Daily Monitor*, 12(114), 18/06/2015. [Electronic resource]. URL: <https://jamestown.org/program/what-caused-the-demise-of-the-caucasus-emirate-2/#.VYNxKfmqqko>
- [Vatchagaev, 2015c](#) – Vatchagaev M. (2015). Two North Caucasus Rebel Leaders Face Off in Islamic State–Caucasus Emirate Dispute. *Eurasia Daily Monitor*, 12(120), 26/06/2015. [Electronic resource]. URL: https://jamestown.org/program/two-north-caucasus-rebel-leaders-face-off-in-islamic-state-caucasus-emirate-dispute-2/#.VZCIX_mqqkp
- [Williams, 2016](#) – Williams B.G. (2016). *Inferno in Chechnya. The Russian Chechen Wars, the Al Qaeda Myth and the Boston Marathon Bombing*. New Hampshire: Dartmouth College Press.
- [Williams, Souza, 2018](#) – Williams B., Souza R. (2018). The Islamic State Threat to the 2018 FIFA World Cup. *CTC Sentinel*. 11(5): 1-11.
- [Wojciechowski, 2009](#) - Wojciechowski S. (2009). Teroryzm. Analiza pojęcia. *Przegląd Bezpieczeństwa Wewnętrznego*. 1: 54-60.
- [Xiaodong, 2012](#) - Xiaodong Z. (2012). *The Shanghai Cooperation Organisation and Counter-Terrorism Cooperation*, Stockholm-Nacka: Institute for Security & Development Policy.

Террористические акты в Российской Федерации

Александр Ксаверий Олех ^{a, *}

^a Академия военного искусства, Варшава, Польша

Аннотация. Высокий уровень террористической угрозы, наблюдающийся в России на протяжении десятилетий, включает множество аспектов. Внутренняя политика РФ, ее вовлеченность в вооруженные конфликты на Украине и в Сирии, нестабильная ситуация на Кавказе, а также международное сотрудничество оказывают значительное влияние на активизацию террористических групп в России. В 2012 году, еще до серии терактов во Франции, незатухающий конфликт на Северном Кавказе был признан самым жестоким на территории Европы. Россия ведет борьбу с международным терроризмом с 2007 года. Наибольшие опасения вызывает тот факт, что терроризм эволюционировал, на длительное время дестабилизировав внутреннюю государственную безопасность. Недавние теракты были связаны с появлением на Ближнем Востоке экстремистских групп, таких как «Аль-Каида» и «Исламское государство», а также началом их сотрудничества с мятежниками с Южного и Северного Кавказа. Террористические группы международного характера начали свою экспансию на всей территории Российской Федерации, заставляя местные власти принимать решительные меры по борьбе с терроризмом. В настоящее время ситуация постепенно нормализуется, но по-прежнему появляются новые угрозы, на которые следует обратить внимание. Полученный ранее опыт, равно как и новые террористические угрозы требуют повторного анализа текущих обстоятельств и определения целей антитеррористических действий Российской Федерации. Это весьма существенно, принимая во внимание последствия для стран, непосредственно граничащих с Россией, в том числе возможные последствия террористического характера для Польши.

Ключевые слова: Россия, терроризм, угроза, Кавказ, Чечня, Дагестан, ISIS, антитерроризм.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akolech@wp.pl (А. Ксаверий Олех)